

Отрок. Ближний круг

Автор:

Евгений Красницкий

Отрок. Ближний круг

Евгений Сергеевич Красницкий

ОтрокОтрок #4

«Если хочешь, чтобы что-то делалось как следует – делай это сам» – фраза для управленца запретная, свидетельствующая о его профессиональной несостоятельности. Если ты действительно хочешь чего-то добиться – подбери подходящих людей, организуй их в работоспособную структуру, замотивируй, сформулируй цели и задачи, обеспечь ресурсами... В теории все просто.

Но вокруг тебя живые люди с собственными надеждами и стремлениями, амбициями и страстями, симпатиями и антипатиями. Но вокруг другие структуры, тайные и явные, преследующие какие-то свои, непонятные стороннему наблюдателю, цели. А на дворе XII век, и острое железо то и дело оказывается более весомым аргументом, чем деньги, власть, вера...

Евгений Сергеевич Красницкий

Отрок

Ближний круг

Роман

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Евгений Красницкий, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть первая

Конец июня – начало июля 1125 года. Село Ратное и окрестности, база Младшей стражи

Глава 1

Когда стало понятно, что Мишка пошёл на поправку, сотник Корней организовал для внука возможность «работать языком». Первым «на прием» явился Стерв. Мишка не только уважал его как великолепного профессионала, умеющего передать свои знания молодежи, но и просто симпатизировал ему как человеку. Из-за этого ему было несколько неловко называть охотника кличкой, неблагозвучной для уха человека XX века, но родового имени Стерва он, естественно, не знал, а от христианского Евстратий сам охотник кривился, как от зубной боли.

И ничего с этим не поделаешь – к крещению Стерв отнесся, как к неизбежному злу, в церковь ходил, как солдат в наряд; не скрываясь, носил на себе языческие амулеты и обереги и, в довершение ко всему, имел двух жен. Старшая жена –

мать Якова – была сестрой тетки Татьяны, а младшую жену Стерва не то что не сосватал, а даже и не купил, получив в придачу к оплате за убийство медведя-людоеда в каком-то очень дальнем лесном селении.

По понятиям ратнинцев, вторая жена Стерва была холопкой, но, когда отец Михаил потребовал от охотника обвенчаться с первой женой, тот вознамерился поступить как раз наоборот – обвенчаться с младшей. Свои действия он объяснил сотнику Корнею, со своей точки зрения, вполне логично: «Вея и так жена, все это знают, а Неключу за холопку держат. Пусть Неключа тоже женой будет, да и имя сменить надо, больно неподходящее»[1 - От древнеславянского «неключимый» – бесполезный.].

Мишка здорово подозревал, что сделал такой выбор Стерв исключительно из чувства противоречия, та же мысль, видимо, закружилась и в голову отца Михаила. Венчать Стерва с младшей женой он отказался, заявив, что сие будет нарушением таинства брака и поощрением блуда.

Так и остался Стерв официальным холостяком при двух женах. Яков, насколько понимал Мишка, к двоеженству отца относился совершенно спокойно, обе жены – тоже. Дед же, для виду посердившись, в конце концов заявил, что пути Господни неисповедимы и, рано или поздно, Господь лишнюю жену сам приберет, тогда и понятно станет, с кем надо венчаться.

Нынче Стерв пришел к Мишке по вопросу, вызывавшему у старшины Младшей стражи великую досаду вследствие непонимания причин происходящего: снятие дозора с берега болота, через которое уходили «люди в маскхалатах», ввиду полной бесполезности дальнейшего несения дозорной службы.

* * *

Еще в конце мая Мишка решил связаться с предшественником, в существовании которого был твердо убежден. Для этого он велел Якову развесить на ветках засохших деревьев, стоявших на болоте поодаль от берега, несколько дощечек с одним и тем же текстом. Того, что кто-нибудь прочтет написанное, Мишка не опасался. Во-первых, потому, что грамотные люди XII века писали и, естественно, читали «уставом», то есть в понятиях XX века «по-печатному». Мишка же написал свой текст «по-письменному», украсив буквы, для затруднения восприятия, многочисленными хвостиками и завитушками. Во-

вторых, даже если бы и нашелся умник, сумевший разобрать написанное, смысла он все равно не понял бы, потому что текст был таким:

«Центр – Штирлицу. Необходим контакт. Время и место – на Ваш выбор. Сигнал – эта табличка на дереве в виду населенного пункта Р.».

Якову, недоуменно рассматривавшему таблички, Мишка объяснил, что это наговор на тот случай, если люди, проходящие через болото, знают с нечистой силой.

Начало было обнадеживающим – менее чем через неделю две таблички с деревьев исчезли. А потом... Ответ оказался совершенно не таким, на который рассчитывал Мишка, как, впрочем, и не таким, какой собирался дать предшественник.

Заставу на болоте попытались уничтожить. Спасли ребят только охотничье искусство Стерва и здравомыслие Первака, чей десяток нес дежурство в ту ночь. Ночь выдалась дождливой и ветреной. Первак совершенно правильно рассудил, что часовые в такую погоду ничего не увидят и не услышат, сами же очень легко могут быть либо захвачены, либо убиты. Поэтому с наступлением темноты десятник собрал всех ребят в землянке, вырытой в стенке небольшого овражка, и насторожил приготовленные Стервом ловушки.

Под утро, когда начал стихать дождь, часовой услышал тупой удар, и сверху, почти ему на голову, свалился человек, сбитый с края оврага подвешенной на ремне колодой. Выглянув из-под навеса, парень различил наверху бледное пятно лица еще одного человека и, не раздумывая, выстрелил из самострела. То ли парню повезло, то ли учение пошло впрок, но он попал, и сверху грохнулся второй труп. Одновременно у входа в овражек раздался крик еще одного из нападавших, придавленного обрушившимся сверху бревном.

Выскочившие из землянки на крик и шум ратники Младшей стражи лупили спросонья во все стороны из самострелов до тех пор, пока Первак не приказал прекратить это бесполезное занятие, а потом сидели настороже до самого рассвета.

Утром послали гонца в Ратное, а сами осторожно осмотрели местность, но ничего, кроме трех трупов, не обнаружили. Прибывшие Стерв с Яковом оказались более удачливыми в поисках. Обшарив берег болота, они отыскали сложенные в кучку шесть заплечных мешков. Очевидно, нападавшие перед атакой освободились от лишнего груза, а потом так торопились убраться восвояси, что бросили свои вещички.

Сколько было нападавших – шесть, по числу брошенных мешков, или больше, определить не удалось: дождь смыл все следы. В мешках тоже ничего особенного не нашлось, кроме одного – Мишкиной таблички с написанным на обратной стороне ответом. Мишка прочел ответ, и ему тут же захотелось что-нибудь сломать, разбить, а еще лучше кого-нибудь убить. Смысл набора примитивной матерщины с грамматическими ошибками сводился к простой мысли: «С тобой и с Нинеей будет то же самое».

Разумеется, автор не имел в виду, что Мишка с Нинеей будут лежать в вещмешке на берегу болота, послание, скорее всего, предполагалось оставить на трупах дозорного десятка, но события пошли по иному сценарию.

Пережив первый приступ ярости и недоумения, Мишка принялся более тщательно исследовать «послание». Обратную сторону дощечки, перед тем как сделать надпись, очень тщательно ошкурили, возможно, даже отполировали. После того как текст был написан, дощечку, для большей сохранности написанного, покрыли прозрачным лаком.

Сама надпись была сделана чернилами, по всей видимости, гусиным пером или чем-то, на гусиное перо похожим. Почерк был ужасным – то ли пьяный писал, то ли руки тряслись, то ли и то, и другое вместе. Знаков препинания не было вообще, в нескольких словах были пропущены или не дописаны буквы, а имя Ниня написано с маленькой буквы и через «е» – ненея. Заканчивался текст и вообще невнятно: «и запми падла». «Запми», видимо, означало «запомни», только что предлагалось запомнить? Текст на этом обрывался, хотя места хватало еще на несколько предложений.

Налицо вопиющий диссонанс: текст по содержанию и исполнению соответствовал настенным надписям в общественном туалете, а обработка дощечки – хорошей мебельной мастерской.

Мысленно помянув мистера Шерлока Холмса, эсквайра, Мишка попытался подвести итог своим наблюдениям.

«Итак, автор „послания“, несомненно, ваш, сэр, современник по ТОЙ жизни. Никто из ЗДЕШНИХ ни прочесть, ни написать ничего подобного не смог бы. Значит, предшественник нашелся и сам подтвердил свое существование. Джаст э момент, сэр Майкл! А почему, собственно, предшественник? Может же быть и последователь! Что с того, что вы „посылочку“ еще не отправляли? Отправите еще, какие ваши годы?

В какой бы момент вашей жизни, сэр, и с какой бы периодичностью „посылочки“ ни отправлялись, все они будут получены одновременно, потому что для адресата все моменты отправки находятся в прошлом. Так археолог может обнаружить в один день захоронения разных веков и даже тысячелетий. Просто они лежали в земле и ждали, пока их откопают. Одно чуть дольше, другое чуть меньше. Если же к вам заявился следующий „засланец“, то, значит, „посылочки“ вы отправляли (вернее, отправите), хотя до этого момента вы еще не дожили. Это, конечно, приятно – иметь гарантию, что проживешь еще долго – до отправки „посылочки“, но... Увы, все-таки предшественник, а не последователь.

Последователь наверняка знал бы о вас, искал бы встречи, а не матерился, грозясь зарезать. А предшественник... Как там Максим Леонидович говорил? „Умер, утратил возможности, передумал“. Что не умер – понятно. Утратил возможности? Ну уж нет! Посылает разведгруппы, варит стекло, хоть и посредственного качества, может приказать отполировать дощечку для письма, ну и прочее.

Значит, передумал, а ваше, сэр, появление стало для него неприятным сюрпризом. Почему? Другой бы на его месте обрадовался. Реакция его на ваше послание не была скоропалительной, имел он время подумать, пока дощечку полировали. И такое резкое неприятие!

Нет, хватит гадать, попробуем собрать все, что о нем известно, и составить, хотя бы в первом приближении, его портрет, как это Шерлок Холмс делал: по одной трости, или часам, или шляпе... У вас же, сэр Майкл, кроме дощечки есть еще и куча побочной информации. Начнем-с.

Пол. Разумеется, мужской. Гарантировать, конечно, нельзя, но все действия предшественника и текст письма несут на себе отпечаток именно мужской психологии. Какой бы крутой оторвой баба ни была, все равно все выглядело бы несколько иначе.

Возраст. Не пацан вроде вас, это точно. У него в подчинении вполне взрослые мужики, налажено какое-то производство и обучение военному делу, проводится какая-то политика, не просто так ведь он людей к себе собирает. Да и послание ваше, сэр, отнесли именно ему, а потом принесли от него же ответ. Совершенно однозначно: взрослый, дееспособный по ЗДЕШНИМ меркам мужик, „первое лицо“ в местной иерархии. Вселялся он, так же как и вы, в детское тело, значит, ЗДЕШНИЙ его возраст минимум лет на десять-пятнадцать больше, чем ваш.

Место жительства. Разгромленное ратнинской сотней языческое капище... Когда ж это случилось-то? Дед говорил, что Лавру было года два, значит, чуть больше тридцати лет назад. Разгромленное тридцать лет назад языческое капище, находящееся к югу или юго-западу от Ратного.

Интересно, „вселение“ произошло именно там или предшественник перебрался на это место позже? Вообще-то маловероятно: два „засыла“ – и оба в одну и ту же местность. Правда, разброс по времени... Стоп! А если он „вселился“ не там? Тогда, чтобы перебраться на новое место и захватить там лидирующие позиции, надо было уже быть взрослым. Значит, он может быть еще старше, чем вы сначала решили.

Должность, род занятий. А вот это интересно! Границу между реальностью и виртуальностью он сечет не хуже вас, сэр Майкл, а следовательно, в священном для язычников месте запросто мог сделать карьеру волхва! Особенно если принес с собой ОТТУДА кое-какие полезные знания.

Кем же вы, уважаемый предшественник, были ТАМ? Первое, что приходит в голову – военный. Специфически, сообразно требованиям обстановки, обученный „спецназ“, диверсионно-разведывательная деятельность, маскхалаты... Да и от эпистолярного жанра крепенько несет казармой. Это – серьезно. Если его угрозы не пустой звук и если народу он вокруг себя собрал достаточно, события могут принять весьма крутой оборот».

Так вот и закончилась первая попытка Мишки установить контакт с предшественником. Было это в конце мая, а сейчас, месяц спустя, Стерв предлагает снять заставу на болоте.

* * *

– Месяц уже, как никто через болото не шастал, старшина, нет смысла дальше стеречь, – спокойно объяснял Мишке Стерв, сидя возле его постели. – Не придут они больше. Я, было дело, опасался, что заявятся большой силой, даже показал ребятам, как незаметно уйти оттуда можно, но милостивы светлые боги, не довелось.

– Что ж, дядька Стерв, они совсем от нас отступились?

– Не думаю. Скорее всего, другой путь у них есть. Более дальний, чем-то неудобный, но есть.

– Неужели боятся? Пацанов-то?

– Вроде бы не должны, – Стерв задумчиво потеревил кончик бороды. – Подурачки у них все как-то в последний раз вышло. Должны же были подумать, что ловушки могут быть. И сбежали, как дети напуганные, даже мешки бросили. Как-то оно все, – охотник шаркнул по полу подошвой, словно гасил окурок, и почесал поясницу, – не так! Не должно так быть! – Стерв помолчал, задумавшись, и наконец нашел подходящее сравнение. – Зверь так уходит. К примеру, волк подбирается к стаду, и тут его замечают: собака там или пастух. Тут он сразу же в бега и ударяется, хотя мог бы и с собакой справиться, и пастухи... тоже всякие бывают. Но там-то не звери – люди, да еще и воины!

– Значит, все-таки боялись, – сделал вывод Мишка. – Может быть, не пацанов, а Нинеи? Застава-то на ее земле стояла.

– А что? Может быть! – сразу же оживился Стерв. – Ночь, дождь, ветер! Идут по земле Великой волхвы, для того чтобы ей навредить... Дозорных на привычных местах не нашли, ничего не понятно. Жуть! И вдруг: бух, трах! Одного колодой в овраг сшибает, другого из самострела, третий орет, бревном придавленный... Тут не то что мешок – портки оставишь!

«М-да, не позавидуешь мужикам, прямо фильм ужасов какой-то. Так и бывает: „Паны дерутся – у холопов чубы трещат“. Один волхв посылает людишек против другого, и неизвестно, который из них сильнее... Стоп, стоп, стоп! Как он Нинею назвал?»

– Дядька Стерв, ты сказал: «Великая волхва»?

– Чего? – Стерв придурковато вытаращился на Мишку. – Чего сказал?

– Ты назвал Нинею Великой волхвой. Чем волхва Великая отличается от обычной?

– Так кто ж знает? – Стерв ухватился за какой-то мешочек, подвешенный к поясу, и принялся сосредоточенно соскребывать с него ногтем пятнышко. – Может, она и не Великая вовсе. Люди болтают, языки без костей.

– А что бывает, если два волхва между собой схватятся?

– Откуда ж мне знать? – Стерв пожал плечами. – Это у волхвов надо и спрашивать.

«Все, закрылся. Теперь ничего не добьешься. Ладно, попробуем по-другому».

– Дядька Стерв, помнишь дощечки, которые я на деревьях развесить велел?

– Ну, – случайно оговорившийся охотник стал настороженно немногословным.

– А потом одну из этих дощечек нашли в брошенном мешке.

– Нашли, было дело.

– Так вот: на другой стороне той дощечки, в ответ на мой наговор, было написано заклятие, – Мишка в упор уставился одним глазом в лицо Стерву. – И в заклятии том Ниня помянута.

– И что?

– Смертью ей грозят. Не от ведовства, а от людей – от обычного оружия.

– Э-э! Обычным оружием ее не возьмешь! – Стерв облегченно вздохнул и беспечно махнул ладонью. – Простые люди к ней и близко не подойдут, не допустит.

– А издалека? Стрелу с огнем, к примеру, в дом бросить?

– Не-а! Не выйдет ничего! – Уверенность охотника во всемогуществе Ниней была непоколебима. – Не допустит она. Я, конечно, не знаю, но, может быть, и с десятком Первака так все обошлось, потому что она за ребятишками приглядывала.

«Безнадежно. У Ниней непоколебимый авторитет. Стерв даже имя волхвы вслух произносить избегает – „она“, „ее“. Что ж делать-то? Зарежут же бабку и внучат не пожалеют. Вот тебе и „обратная сторона медали“».

– Значит, дядька Стерв, не будем Нинеину весь охранять? С болота дозор снимаем и никуда не ставим?

– Да зачем? Если она не захочет, никто и близко подойти не сможет.

– К наставнице ее Яге подошли. Пришли князьи дружинники с попами и убили.

– Так то – с попами, – уверенности в голосе Стерва поубавилось, он ёрзнул на лавке и беспокойно огляделся, как будто в горнице мог кто-то прятаться. – Попы, они, конечно... Да еще если не один... – охотник запнулся и вдруг посветлел лицом. – Не! Не ползет к ней твой тезка! Мне рассказывали: он раз уже к ней сунулся, так чуть живого обратно привезли. Беяна – подружка ее –

умолила до смерти не убивать.

«Вот те на! А меня-то там вообще не было, что ли? Чудны дела твои, Господи, в информационном пространстве!»

– Ну хорошо, господин наставник воинской школы, а если Ниня сама повелит?

– Сама? Да зачем ей?

– Гредислава Всеславна не только волхва, но еще и боярыня древнего рода, – Мишка постарался уловить реакцию Стерва на это известие. Реакции не было, значит, знал. – Мы же не только воинская школа, но и боярская дружина боярыни. Пристало ли будущим воинам за спину старухи прятаться? Пристало ли боярской дружине боярыню свою не охранять?

– Гм. Это, конечно... И для учебы полезно...

Стерв снова поскреб поясицу и решительно заявил:

– Завтра же пойду места для дозорных выбирать.

– Э нет, господин наставник, один раз ты уже выбрал.

– Что? Плохо выбрал?

– Я не об этом. Ребят учить надо. Прикажи всем десятникам самим места для дозорных выбрать. Потом пусть каждый тебе выбранные места покажет и объяснит, почему выбрал именно так, а не иначе. А ты ему его ошибки укажешь.

– Точно! Так и сделаю! Будь спокоен, старшина, все устроим, как надо!

«Ну что ты будешь делать! Только решил, что, будучи „реалистом“, можно крутить ЗДЕШНИМИ людьми, как заблагорассудится, и нате вам! Успех

достигнут при переходе совсем в иную область понятий – сословную. Средневековье? Разумеется, сэр, но не так-то все просто. Единого рецепта для индивидуальной работы в любых обстоятельствах все же не существует. Что ТАМ, что ЗДЕСЬ. Для массового сознания есть, а для отдельной личности нет. Потому-то она личностью и называется. Когда же личность растворяется в массе... М-да!»

Сразу же после ухода Стерва пожаловал второй посетитель. С «отчетом о проделанной работе» явился старшина плотницкой артели Сучок.

Во Христе плотницкий старшина звался Кондратием Епифанычем, что само по себе было удивительным, поскольку родом он был из какого-то лесного рязанского захолустья, и поверить, что в краю мещерских колдовских болот имеются люди, являющиеся христианами уже во втором поколении, было трудно. Прозвище же Сучок подходило ему как нельзя более.

Во-первых, бригадир плотников. Во-вторых, был Сучок телосложением мелок и жилист, в движениях быстр, характером же обладал въедливым и скандальным. Как терпели плотники его крикливость и придирчивость, совершенно непонятно, но терпели. Может, потому, что мастером Сучок был отменным. В-третьих, нажив к тридцати с небольшим годам роскошную плешь и имея совершенно заурядную внешность, блудлив был плотницкий старшина, как мартовский кот, неизменно оправдывая свое распутство пословицей «Кривое дерево в сук растет».

Пользуясь несомненным успехом у прекрасной половины рода человеческого, Сучок снискал себе столь же несомненную нелюбовь половины мужской. Подчиненные Сучка довольствовались лишь тем, что произносили прозвище своего старшины с двойным, а то и с тройным «С». Все же остальные то и дело норовили Сучка поколотить, в результате чего он, не став более благонравным, наработал изрядные навыки драчуна и приобрел привычку нигде и никогда не расставаться с засапожником и топором.

* * *

Оценить незаурядность личности Сучка ратникам довелось почти сразу же после прибытия артели в Ратное – в начале мая. Началось все с того, что

плотницкий старшина воспытал страстью к вдове Алене. То, что ростом он был Алене всего лишь подмышку, Сучка ни в малейшей степени не смущало. Чтобы оправдать свои отлучки со стройплощадки, он изобразил необыкновенную набожность, которая, впрочем, мало кого ввела в заблуждение. Большую часть времени Сучок проводил не в церкви, а возле дома Алены.

Почти все женское население Ратного (и часть мужского) с нетерпением ждало столкновения последнего ухажера Алены (того самого ратника третьего десятка, публично битого поленом) с новым претендентом на ее благосклонность. И сие эпохальное событие воспоследовать не замедлило.

Битый поленом ухажер физическими статьями Сучка превосходил, к тому же был ратником, поэтому серьезного сопротивления от «штатского» не ожидал, за что и поплатился – сначала оказался лежащим на земле с расквашенной физиономией, а потом, при попытке подняться, получил еще сапогом под ребра.

Увиденное очень не понравилось двум его коллегам из третьего десятка, и тут Сучок на своей шкуре ощутил, что такое военные профессионалы. Буквально через несколько секунд он свалился под забором, предварительно крепко приложившись к шершавым бревнам лысиной.

С кем-нибудь другим на этом бы все и закончилось, но не таков был старшина плотницкой артели. Выхватив засапожник, он с отчаянным криком кинулся на обидчиков, вызвав у тех лишь веселое удивление шустростью и глупостью мелкого забияки. Нож из руки был выбит мгновенно, а сам Сучок снова направлен в полет – плешью в забор.

И снова поднялся! Те, кто наблюдал эту схватку, рассказывали потом, что на Сучка было страшно смотреть. Разодранная лысина, окровавленное лицо, оскаленные, красные от крови зубы, оторванный по самое плечо рукав рубахи, сползший на топор, который непонятным для зрителей образом оказался в руке плотника.

То, что шутки кончились, стало понятно после того, как Сучок молниеносным движением перебросил топор в левую руку, стряхнул на землю оторванный рукав и, снова перебросив оружие в правую руку, крутанул его так, как это умеют делать опытные воины с мечом.

Один из ратников, бывший при оружии, обнажил меч и, ответно прошелестев в воздухе лезвием, зловеще произнес:

- Ну, сморчок, сам напросился.

Они пошли мелкими шажками по сложной траектории, одновременно сближаясь и стараясь зайти так, чтобы солнце светило в глаза противнику. Тут-то и стало понятно, что Сучку не впервой выходить с топором против меча, и поединок, скорее всего, закончится смертью одного из «дуэлянтов». Пусть в безоружном рукоприкладстве плотник и уступал ратникам, но топором он владел виртуозно и боевой опыт, по всей видимости, имел.

До смертоубийства не допустил Бурей. Большой любитель понаблюдать за чужой дракой, он поначалу с удовольствием следил за шоу поверх своего забора, но как только дело приняло серьезный оборот, вымахнул на улицу, словно огромная горилла, мгновенно посшибал с ног всех троих подчиненных десятника Фомы, а Сучком просто хлестнул по забору, словно тряпкой.

Так в Ратном завелся еще один Бешеный. Не оценить стойкость и бойцовские качества Сучка в воинском поселении просто не могли, а потому никто особенно не удивился, что через несколько дней плотницкий старшина, сверкая намазанной целебной мазью плешью, сидел на крыше дома Алены и, весело перекликаясь с хозяйкой, менял попорченную временем и погодой дранку.

Произошло все это в начале мая, а в середине месяца, через несколько дней после окончания строительства «учебной усадьбы» и переезда плотницкой артели в Нинеину весь, новый Бешеный схлестнулся с Бешеным старым – с Бешеным Лисом.

Если приказ и «техническое задание» на строительство усадьбы из плетней Сучок получил от самого воеводы Корнея, то строительством базы Младшей стражи дед приказал заниматься самому Мишке, о чем сообщил старшине плотников, не пожелав слушать никаких возражений. Прежнее задание плотники сочли просто боярской блажью, но подчинение четырнадцатилетнему пацану их не на шутку обидело.

Кипящий возмущением Сучок встретил Мишку, умученного первыми тренировками в «учебной усадьбе», кривой ухмылкой и, не поздоровавшись, осведомился издевательским тоном:

- Что прикажешь... боярин?

Мишка был уставшим, злым и заранее готовым к чему-либо подобному. Показательно игнорируя Сучка, он огляделся с высоты седла, словно не замечая стоящего перед ним Демку, и гаркнул:

- Дежурный десятник! Не слышу доклада!

- Господин старшина! - Демка попытался отодвинуть плечом Сучка, но тот уперся. - За время моего дежурства никаких происшествий...

- Сейчас будет тебе происшествие! - прервал Сучок доклад. - Сейчас ты у меня со своими игрушками...

Мишка ткнул указательным пальцем в сторону плотницкого старшины и рявкнул:

- Взять!

Со всех сторон придвинулись «курсанты», и по их лицам было видно, что замечание насчет «игрушек» они слышат уже не первый раз. У троих или четверых в руках покачивались кистени, двое скидывали с плеча свернутые кнуты. Сучок, по-волчьи ощерившись, сначала потянулся к засапожнику, потом, видимо передумав, потащил из-за пояса топор. Действительно, пугать ножом ребят в кольчугах было глупо.

Мишка встретился глазами с «курсантом», держащим в руке кнут, и, указав на ноги Сучка, сделал согнутым указательным пальцем такое движение, как будто цеплял что-то крючком. «Курсант» понимающе кивнул.

- Ну что, детишки? - начал было Сучок, но больше ничего ни сказать, ни сделать не успел.

Кнут заплел ему ноги и резким рывком опрокинул на землю лицом вниз. Тут же чья-то нога наступила на топорище, придавив заодно и пальцы. Ремень кистеня проскочил под подбородок и сдавил горло. Сучок захрипел.

– Вяжи! – распорядился Мишка и навел самострел на двоих плотников, собравшихся прийти на выручку своему старшине. Самострел не был взведен, но плотники этого не заметили и, растерянно переглянувшись, замерли на месте.

Сучка уже спеленали по рукам и ногам, и Мишка, уловив вопросительные взгляды «курсантов», указал на бревенчатый щит с нарисованным силуэтом человеческой фигуры. Щит предназначался для метания кинжалов. Сучка, с посиневшим лицом и вытаращенными глазами, потащили к мишени, а Мишка, нагнувшись к Демьяну, тихо спросил:

– Кто из твоих хорошо кинжал бросает? Понимаешь, о чем спрашиваю?

– Ага! – Демка мрачно ухмыльнулся. – Давно пора этого лысого поучить, больно много о себе понимает! Значит, так: Серька... то есть Серафим, Дементий и... нет, третьим лучше я сам буду.

– Плотников не подпускать, но и не гнать, – так же негромко приказал Мишка. – Держать под прицелом, чтобы дури не натворили.

– А если...

– Бить по ногам, но аккуратно, не калечить!

Растянутый веревками на мишени Сучок отдышался и принялся дергаться, попеременно то ругаясь, то призывая на помощь своих артельщиков. Мишка спешил, сунул кому-то повод, оглянулся на «курсанта», свалившего плотницкого старшину на землю, и громко окликнул:

– Старший стрелок Степан!

– Здесь, господин старшина!

– Надень ему шапку, – Мишка мотнул головой в сторону Сучка. – А то глаза слепит.

С разных сторон раздались смешки, Сучок побагровел. Степан подобрал шапку, с издевательской тщательностью отряхнул ее и напялил на голову хозяину.

Мишка встал на позицию и извлек из ножен кинжал. Его движение повторили Демьян, Серафим и Дементий.

– Делай, как я!

Четыре лезвия поочередно сверкнули в воздухе, Сучок замер. Вокруг его головы образовался железный «нимб».

– Еще раз!

Еще четыре клинка вонзились в мишень. Реакция Сучка оказалась парадоксальной: он издевательски ухмыльнулся и заорал:

– Сопляки! Напугать захотели? Да я сам так умею, и не ножом, а топором! А вы топором можете? Щенки драные!

Мишка не торопясь подошел к мишени, стянул с головы Сучка шапку и так, чтобы было слышно всем, сказал:

– Топором не умеем, но за совет благодарю. Будем и этому учиться, на то и воинская школа. А учить будешь ты... если выживешь.

– Вас не учить надо, а драть, как...

– У тебя шапка не просвечивает? – прервал Сучка Мишка. – Дырок нет?

– Чего?

– Сейчас узнаешь, – Мишка поднял шапку кверху, посмотрел сквозь нее на солнце и удовлетворенно констатировал, – не просвечивает.

- Ты! Недоносок! Да я тебя...

Под вопли Сучка Мишка отошел на нужное расстояние, зарядил самострел и надвинул шапку старшины плотников почти до самого рта. Надо было добиться того, чтобы Сучок поверил: Мишка ничего не видит. Сучок поверил. Как только Мишка поднял самострел, он севшим вдруг голосом спросил:

- Эй! Ты чего удумал?

На голос Мишка уже однажды стрелял - на зимней дороге в Кунье городище. Самострел щелкнул, болт с хрустом вошел в бревно мишени. Вокруг наступила мертвая тишина. Мишка, не снимая шапки, снова зарядил самострел. Сучок молчал, вместо него подал голос один из артельщиков:

- Эй, парень! Кончай дурить!

Видимо, плотник попытался подойти, потому что послышался щелчок выстрела и звук болта, ударившего в землю. За этими звуками последовал комментарий Демьяна:

- Следующий выстрел - по ногам, потом - в брюхо.

- Да вы что, с ума все посходили? - не успокаивался плотник. - Это ж не игрушки! Убьете же...

- Убьем, - новый голос принадлежал Перваку. - Наш старшина Михаил Фролыч боярского рода Лисовинов здесь царь и бог. Прикажет убить - убьем. Даже не задумаемся!

Дальнейших возражений со стороны плотника не последовало: холодная беспощадность в голосе Первака оказалась свехубедительной. С таким тыловым прикрытием можно было продолжать экзекуцию спокойно. Мишка поднял самострел, но Сучок не издавал ни малейшего звука.

- Сучок, ау! - позвал Мишка. - Голос-то подай!

Плотницкий старшина молчал и, кажется, не шевелился.

- Спой, светик, не стыдись! – продекламировал Мишка.

«Курсанты» отозвались радостным гоготом – басню про ворону и лисицу они от своего старшины уже слышали. Сучок молчал, как убитый.

- Степан, шевельни его! – распорядился Мишка.

Свистнул кнут, Сучок молчал.

- Сильнее!

На этот раз Степан хлестнул со щелчком, до Мишкиного слуха донеслось едва слышное мычание сквозь закушенную губу – Сучок боролся за жизнь из последних сил.

- Да что ж вы творите-то?! – снова подал голос плотник.

Мишка четко развернулся на звук и пообещал:

- Еще раз шумнешь – бью в тебя!

Ответом был шум, знакомый по Турову, – зрители шарахались с линии выстрела. Мишка вернулся в исходное положение и скомандовал:

- Степан! Еще раз, не жалей!

В ответ донесся звук удара и голос Сучка:

- Уй! Так тебя растак! Чтоб тебе...

Ждать окончания тирады Мишка не стал. Ноги Сучка были растянuty веревками в стороны, поэтому можно было стрелять вниз. Одновременно с ударом болта в бревна мишени Сучок замолк на полуслове, и снова наступила тишина. Мишка немного подождал, ничего не услышал и упер самострел в землю, собираясь надавить ногой на рычаг.

– Не нужно, Минь, – остановил его голос Демьяна. – Все. Спекся лысый.

Первое, что увидел Мишка, сдернув шапку, – бессмысленно уставившиеся в одну точку глаза Сучка. Плотницкий старшина бессильно обвис на веревках, борода его мелко тряслась, из рассеченной мочки уха (Степан действительно не пожалел) капала на рубаху кровь. Хвостовик болта торчал из бревна между ног Сучка, возле самой промежности.

Нет, старшина плотницкой артели не был ранен выстрелом и не потерял сознания от страха. Просто Сучок впервые в жизни столкнулся с еще большим отморозком, нежели он сам.

Собственно, именно такого результата Мишка и добивался. По дороге в Нинеину весь он не слишком долго ломал себе голову, изыскивая способ разрешения неизбежного конфликта с Сучком. Каким бы опытным скандалистом человек ни был, он готов противостоять кому угодно, только не самому себе. Сумей в точности сыграть скандалиста – и возьмешь над ним верх. Оставалось только представить, как повел бы себя Сучок, окажись он на месте старшины Младшей стражи. Мишка подумал-подумал и решил, что такой тип обязательно затеял бы какую-нибудь злую, смертельно опасную игру.

Дальнейшее было делом техники – изобразить старшину-отморозка, окруженного взводом таких же безбашенных парней. В доспехах, при оружии и без пригляда со стороны взрослых. Плюс незнание Сучка об умении Мишки стрелять на слух.

И еще один, но незапланированный плюс, очень серьезный – изящество ядовитой змеи, с которым подыграл старшине Первак. Мишке стало понятно, почему десятник пятого десятка Младшей стражи Первак, во Христе Павел, никогда не кричит на «курсантов» своего десятка. Голос, которым он говорил с плотниками, был голосом человека, умеющего и привыкшего убивать, причем, как показалось Мишке, получающего от убийства удовольствие. Такой Первак абсолютно органично вписывался в устроенное шоу, но это-то и было самым скверным: Мишка играл, Первак жил.

Вечером того же дня Мишка снова встретился с Сучком и двумя его помощниками. Откровенно говоря, он не ожидал, что Сучок придет, но

плотницкий старшина оказался на редкость крепок как телом, так и духом. И вид у него был не злой или пришибленный, как можно было ожидать, а какой-то меланхолично-томный.

Задача перед Мишкой стояла посложнее, чем утром. Заставить себя слушать можно и силой, но вот убедить слушателей в том, что слушают они тебя не зря, – дело гораздо более сложное.

Мишка затеплил лампадку под маленькой иконой в углу, сохраняя стол свободным для макета крепости, заменяющего чертежи, расставил корчагу с медом и миски с закуской на сундуке. Посидел, вспоминая времена, когда работал заведующим социологической лабораторией, и воссоздавая настроение беседы с коллегами.

Вошедшие артельщики, повинувшись Мишкиному жесту, поставили на стол части макета, сработанного из глины и деревянных чурок, и неуверенно затоптались на месте. Потом заметили икону, сдернули шапки и закрестились.

С христианами преодоление неловкости первых секунд проблемы не представляло. Мишка тоже осенил себя крестным знаменем и громко начал Предначинательную молитву:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий...

– Молитв ради, – дружно подхватили артельщики, – Пречистый Твоя Матере и всех святых, помилуй нас. Аминь. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе.

Последний раз перекрестившись, Сучок торопливо напялил шапку. Мишка отнесся к этому с пониманием. Повязка на рассеченном ухе, пересекая лысину, сохранившую еще следы ссадин от столкновения с ратниками третьего десятка, придавала внешности плотницкого старшины нелепо комичный вид.

Не давая продлиться паузе, Мишка наполнил медом три чарки, плеснул немного в четвертую для себя и радушным жестом предложил артельщикам угощаться. Помощник Сучка, тот самый, что пытался его защищать, поднял было чарку ко рту, но остановился и вопросительно глянул на Мишку.

– За что пьем... – он запнулся, раздумывая, как обращаться к мальчишке, но решение нашел быстро. – За что пьем, старшина?

«И не мечтай, хитрец, что я предложу выпить „мировую“. Сучок сам напросился на неприятности, а я сделал то, что должен был сделать, иначе никакой нормальной работы на строительстве не было бы. Нет, мужички, вы мне выстроите именно то, что требуется, да не просто выстроите, а ударными темпами, с энтузиазмом и рационализаторскими предложениями. Потом еще и сами поблагодарите».

– За что-нибудь мы выпьем потом, когда будет за что, – ответил Мишка артельщику. – А сейчас просто примите по чарке, день был хлопотным.

Ни возражений, ни комментариев не последовало. Мишка отхлебнул из своей посуды, дождался, пока выпьют артельщики, и предложил:

– Закусите, чем бог послал. Кому по второй выпить хочется, не стесняйтесь, наливайте, а мне больше не стоит – непривычен по молодости.

Артельщики потянулись за закуской, а Мишка отошел к столу и принялся рассматривать макет. Уже несколько дней он ковырялся в памяти, вспоминая все, что видел, читал и еще откуда-нибудь знал о крепостях, рыцарских замках и прочих подобных сооружениях. Даже на его неискушенный взгляд, в представленный проект можно было внести сразу несколько существенных улучшений, все-таки XII век не был периодом расцвета крепостного строительства.

Однако начинать с недостатков не стоило. Когда артельщики, наскоро закусив (по второй наливать не стал никто), подтянулись к столу, он ткнул пальцем в деревянную чурочку, обозначающую какое-то небольшое строение внутри крепости, и спросил:

– Это что?

– Кузница, – начал давать пояснения плотник, предлагавший Мишке сказать тост. – Без своей кузницы в крепости нельзя...

Мужик говорил совершенно очевидные вещи, но прерывать его Мишка не стал. Дослушал до конца, задал еще несколько вопросов, на которые получил столь же пространные ответы. Артель свое дело знала, все было толково, логично, но объяснения артельщик давал длиннейшие и занудливые.

Что-то цепляло внимание, беспокоя, как камешек в сапоге, но Мишка никак не мог сообразить, что именно. Перешли непосредственно к оборонительным сооружениям. Тут тоже все было понятно: рвы, земляные валы, на них стены из срубов, заполненных землей, поверх срубов галерея для защитников, накрытая навесом. Теперь пояснения начал давать второй помощник Сучка, еще более подробно и занудно, чем его коллега.

«Давайте, давайте, ребята: объясняйте пацану, что дважды два – четыре. Чем длинней и занудливей, тем лучше. Я-то потерплю, а вот вы от своей затеи сами же и пострадаете – скучно же всю эту нудягу слушать, а корчага с медом рядом стоит. Так бы, может, и ничего, а когда скучно... То-то Сучок все в сторону выпивки косится и „специалист по внутрикрепостной инфраструктуре“ тоже».

Сучка отвлекал мед, а Мишку – досада на то, что забыл сразу же поинтересоваться именами помощников старшины. В строительстве «учебной усадьбы» они не участвовали – бродили по лесу в поисках мест обильного произрастания строительного материала и занимались другими подготовительными делами для строительства крепостцы.

Задав еще несколько вопросов и выслушав длиннющие ответы, Мишка решил, что пришло время для смены стиля общения и высказывания замечаний. Не поднимая глаз на Сучка, он негромко сказал, имитируя легкую досаду:

– Да не томись ты, выпей, если хочется, не свалишься же с пары чарок.

Надежда на то, что Сучок назовет кого-нибудь по имени, приказывая налить меду, не оправдалась. Артельный старшина просто толкнул локтем того из помощников, который стоял ближе к сундуку с посудой. Тот позвенел чарками и вопросительно произнес:

- Старшина?

Сучок обернулся, но оказалось, что мужик обращается к Мишке.

- Нет, - ответил Мишка, - мне не наливай.

- Что? - впервые за все время разговора подал голос Сучок. - Боишься от пары чарок свалиться? Так ты и первую неполную пил!

Подначка была настолько примитивной, что Мишке стало даже обидно.

- Тебе сколько лет, Сучок? - спросил он, не отрывая глаз от макета. - Наверно, побольше трех десятков? - и продолжил, не дав Сучку ответить. - А мне - четырнадцать. Привычки к хмельному нет, и голова мне нужна ясной - не в игрушки играем!

Сучок, уже неоднократно высказывавший по поводу «игрушек» совершенно противоположное мнение, на этот раз смолчал. Мишка, дождавшись, пока артельщики выпьют и закусят «а-ля фуршет» возле сундука, высказал свое мнение:

- Ну что ж, все придумано правильно и хорошо.

Артельщики одновременно глянули на своего старшину, а Сучок скептически ухмыльнулся - невелика честь мастерам от мальчишки похвалу услышать.

- Но есть способ кое-что улучшить, - продолжил Мишка. - Башни нужно выдвинуть так, чтобы в стену они входили только на толщину самой стены, не больше.

- Это зачем? - тут же отозвался «специалист по оборонительным сооружениям». - Так не строят!

Ухмылка Сучка стала еще более кривой, он даже прищурил один глаз, словно прицеливался в Мишку.

– Не строят, – согласился Мишка. – Но будут строить, а первыми начнем мы. Нужно это для того, чтобы удобно было стрелять сбоку по тем, кто будет лезть на стену. Поставим в башнях большие самострелы на станках и будем стрелять срезнями[2 - Срезень – наконечник стрелы с широким режущим лезвием, обращенным вперед.], чтобы рубить и ломать лестницы.

– Самострел на станке? – недоуменно спросил Сучок и обернулся к «специалисту по оборонительным сооружениям».

– Баллиста называется, – авторитетно пояснил тот. – Князь Олег Святославич такие в Новгороде-Северском поставил. Он же в ссылке в Царьграде был, там у греков и высмотрел.

– Нет, не баллиста! – возразил Мишка. – Она только издали на самострел похожа, но стреляет не за счет силы согнутого дерева, а за счет силы скрученных жил или волос. Баллиста, конечно, оружие мощное – на четыре-пять сотен шагов кидает камень весом в греческий талант... по-нашему это будет полтора пуда и пять больших гривенок. Правда, большая она, тяжелая, обслуги надо чуть не десяток человек и заряжается долго. Баллисты для осады городов хороши, а нам ни к чему, да и не поместится все это хозяйство в башню.

Сучок зло зыркнул на «специалиста по оборонительным сооружениям», тот смущенно кашлянул, прикрыв рот рукой. Второй помощник плотницкого старшины, прихвативший с сундука что-то из закуски (наверно, чтобы не скучно было стоять, слушая пространные объяснения), не донес кусок до рта и уставился на Мишку с нескрываемым удивлением. Правда, было непонятно, что его удивляет: «нестандартность архитектурного решения», познания в области военной техники или лихой пересчет греческого таланта в пуды – новомодную систему мер, только-только начавшую внедряться на Руси[3 - Пуд, как единица веса, впервые упоминается в грамоте князя Всеволода Мстиславича в 1134 г.; пуд заключал в себе 16 безменов, 40 больших гривенок или 80 малых.].

– И еще, – продолжил Мишка, – башни надо ставить чаще, чтобы расстояние между ними было не больше пятидесяти шагов.

– А это еще зачем? – возмутился Сучок. – Да ты знаешь, сколько это стоит... – плотницкий старшина запнулся и сформулировал свой вопрос по-другому: – Да ты знаешь, сколько народу понадобится?

- Народ будет, - уверенно ответил Мишка. - После жатвы.

Причина запинки Сучка Мишке была хорошо понятна. Закупом купца Никифора, вместе со всей своей артелью, Сучок стал недавно и с трудом привыкал к тому, что работает на хозяина бесплатно.

- После жатвы? Да там до осени всего ничего, дожди зарядят, какое строительство?

- Вот поэтому-то и начнете не со стен и башен, а с жилья для учеников воинской школы. Скоро их число удвоится, а нам и так тесно, чуть ли не на головах друг у друга сидим.

- А-а! Так это из-за тесноты твои ребята под дверью толкаются! - изобразил прозрение Сучок. - А я-то думал, что ты с нами в одиночку остаться боишься!

- Опасаюсь, - не стал спорить Мишка. - Утром тебя одного-то еле угомонили, а тут вас трое.

Было заметно, что Сучку очень хочется плюнуть с досады. На обе его подначки Мишка отреагировал не так, как должен был реагировать четырнадцатилетний мальчишка, а уж напоминание об утреннем «расстреле»...

- Башни-то для чего так часто? - напомнил «специалист по оборонительным сооружениям».

- Ты прости, мастер, - Мишка вежливо склонил голову. - Забыл сразу спросить: как тебя величать?

- Шкрябкой его величать, Шкрябкой! - встрял Сучок.

Меланхолия его как-то незаметно испарилась, и плотницкий старшина снова обрел обычную непоседливость и задиристость.

- А...

– А его – Гвоздем! – не дал Сучок открыть Мишке рот. – А меня – Сучком, а тебя...

Сучок опять запнулся. Христианское имя Мишки он знал. Знал также, что «курсанты» зовут его старшиной, но все это было не то, что нужно.

В ратнинской сотне, в течение сотни лет противостоящей язычникам, сложилась традиция подчеркнуто называть друг друга христианскими именами.

Исключения у мужчин были редкими: Бурей, Пентюх... Если уж к человеку прилипла кличка, то упоминалась она вместе с именем: Лука Говорун, Леха Рябой, Фаддей Чума. Женщин, взятых замуж из дреговических родов, хоть и крестили, довольно часто звали прежними языческими именами, но это, как правило, было решением их мужей.

Иное дело в других местах. Князья имели, как минимум, два имени – христианское и традиционное славянское, именовавшееся княжеским.

Остальные же наряду с именем, данным при крещении, и, у кого было, родовым именем почти обязательно получали кличку, порой весьма неблагозвучную. Именно эта кличка употреблялась в разговорной, а зачастую и в письменной речи.

Мишкиной клички Сучок не знал, потому и запнулся.

– А я – Михаил, – Мишка снова вежливо склонил голову. – Сын Фрола, из рода бояр Лисовинов. Еще, бывает, кличут Бешеным Лисом или просто Бешеным. А вы, мастера, как во Христе наречены?

– Варсонофием крещен, – Гвоздь изобразил полупоклон, – но зови, как все, Гвоздем.

– В Святом крещении наречен Нилом, – Шкрябка поклонился чуть глубже «коллеги». На употреблении клички он, в отличие от Гвоздя, настаивать не стал.

Мишка перевел вопросительный взгляд на Сучка.

– Сучок я, Сучок! – отозвался скандальным тоном плотницкий старшина. – А ты – Лис! Лис, лучше не скажешь!

Мишка сделал вид, что полностью удовлетворен ответом, хотя до удовлетворения было далеко. Сучок все-таки отыграл у него пару очков, не позволив Мишке самому выбирать, как обращаться к плотницкому старшине и, что более чувствительно, сам как бы нарекая кличкой старшину Младшей стражи. Теперь, в этом не было ни малейшего сомнения, иначе как Лисом Мишку в плотницкой артели звать не будут.

«Не самый худший вариант, сэр Фокс. Однако теперь звать Сучка Сучком вам „западло“ – терять лицо нельзя. Придется обращаться по должности – „старшина“. И ребятам наказать, чтобы так же обращались. У Сучка своя команда, у вас своя, но он – просто „старшина“, а вы – „господин старшина“. Две большие разницы, как говорят в Одессе».

– Ну вот, старшина, – Мишка выделил интонацией последнее слово, указывая, что впредь так и будет называть Сучка, – наконец-то познакомились. Лучше поздно, чем никогда.

– Хватит кланяться, дело говори! – повысил голос почти до крика Сучок. – Для чего башни так часто ставить?

«Ага, почувствовал, что я этот раунд вничью свел. Ты мне кличку дал, я – тебе. „И кто ж с нас моложе?“».

– Причин для этого имеется две, – принялся объяснять Мишка. – Первая в том, что если одну из башен захватят, с соседних можно ее болтами засыпать и под прикрытием стрелков отбить. Самострелы у моих ребят с пятидесяти шагов и кольчугу, и кожаный доспех, и стеганый пробивают надежно. Отсюда и расстояние. Вторая причина в том, чтобы осаждающим неудобство создать. Ров обычно засыпают в каком-то одном месте, ну бывает, в двух. Значит, врагам придется столпиться на нешироком участке, потому что обегать башню, да еще с тяжеленными лестницами на горбу – дурных нет. Тогда и защитникам можно в этих местах погуще собраться – легче отбить приступ.

Сучок вопросительно глянул на Нила, тот задумчиво поскреб в бороде, зачем-то потрогал одну из башен на макете и наконец вынес вердикт:

– Вроде бы все верно, но работы прибавится. Вот, скажем, полсотни шагов... – Гвоздь развел большой и указательный пальцы правой руки и «пошел» этим «циркулем» вдоль стены. – Раз, два, три, четыре...

Мишка вместе со всеми следил за манипуляциями Гвоздя и вдруг понял, что именно не давало ему покоя, цепляя сознание. Форма периметра! Будущая крепость получалась вытянутой вдоль берега реки, хотя разумнее было бы сделать совсем по-другому.

На том месте, где планировалось поставить крепость, в Пивень почти под прямым углом впадал ручей, прорывший на своем пути небольшой овраг. Вторую стену крепости можно было бы вытянуть вдоль этого оврага.

– Тридцать шесть! – закончил подсчеты Гвоздь. – Тридцать шесть башен выходит. Изрядно!

«Бред какой-то! Почти полкилометра в длину и метров сто пятьдесят в ширину. Ничего себе „крепостца“, по площади больше Ратного получится!»

– Погодите-ка, мастера! – Мишка выставил руку в протестующем жесте. – Вам малую крепостцу заказывали, а вы что удумали? Да сюда все Ратное поместится!

– Шьем на вырост! – тоном модного портного отозвался Сучок.

Мишке так и показалось, что он сейчас добавит: «Где талию будем делать?»

– Ты, Лис, когда-нибудь великие рати водить станешь, где-то ж их надо будет размещать! – ехидно добавил плотницкий старшина и хитро подмигнул Нилу.

Тот, занятый какими-то мыслями, шутки начальника не принял и вполне серьезным тоном объяснил Мишке:

– На острове свободного места оставлять нельзя, чтобы врагам простора не было.

– На каком острове?

– Он не знает! – Сучок довольно хихикнул. – Ты как место для крепости выбирал, Лис?

– Никак не выбирал, – Мишка понимал, что из него делают дурака, но ничего с этим поделать не мог. – И никто не выбирал. Воевода Корней Агеич приказал, и все.

– Дурак твой воевода! И все вы тут...

Мишкин кинжал чиркнул Сучка по бороде, немного не достав до горла, плотницкий старшина отшатнулся, злобно оскалился и медленно завел правую руку за спину, но в дверь уже лезли, хищно поводя взведенными самострелами, услышавшие Мишкин свист «курсанты». Гвоздь и Нил шарахнулись к стенам, а Сучок замер, повернувшись лицом к двери. Теперь стало видно, что его правая рука, заведенная за спину, уже легла на обух топорика, засунутого за пояс.

– Что, Лысый, все тебе нейдет? – громко спросил Демьян и разрядил самострел прямо под ноги Сучку.

Видимо, болт ударил настолько близко к ногам, что Сучок невольно отпрыгнул. Снова щелкнул самострел, заставив плотницкого старшину подпрыгнуть еще раз. Из толпы «курсантов» раздался довольный голос:

– Во! Попляши, Лысый!

«Сговорились, что ли, поганцы? Но всё „в елку“! В самый раз!»

Под гогот «курсантов» Сучок прыгнул еще дважды, налетел задом на стол с макетом крепости и, тут же получив от Мишки деревянной чуркой по затылку, затравленно обернулся.

- В глаза воеводе Корнею свои слова повторить сможешь? - глядя на Сучка в упор, спросил Мишка. - Или засышь, старшина?

Губы Сучка дрогнули, но он ничего не сказал, лишь слегка повел правым плечом, все еще держа руку заведенной за спину.

- Только дернись, дурень лысый, - донесся от двери голос Демьяна. - Прочь руку с топора!

Сучок несколько секунд постоял неподвижно, потом расслабился и выпростал руку из-за спины.

- Старший стрелок Федор! - позвал Демка.

- Здесь, господин десятник!

- Забрать у лысого дурня топор! Только сам под выстрел не подвернись.

- Слушаюсь, господин десятник!

Сучок не пошевелился, когда Федор вытаскивал у него из-за пояса топор, но выражение лица у него было такое же, как у мужиков, которым медсестра делает укол в задницу.

- Ну так что? - снова спросил Мишка. - Повторишь свои слова воеводе Корнею?

- Пош... - Сучок шумно сглотнул и выговорил, глядя в стол, - пошутил я.

- Мы тоже, - Мишка убрал кинжал в ножны и добавил: - Только шутки у нас разные: у тебя - дурные, у нас - воинские, - потом поднял глаза на Демьяна и уже другим тоном спросил. - Демка, пол-то здорово болтами расковыряли?

- Не-а! - отозвался Демьян. - Мы тупыми болтами били. Охотничьими, которые на белку, на горностаю...

Поломать кости можно было и такими, но так Сучку, наверно, было еще обиднее – стреляли, как в мелкую дичь.

– А лысый дурень не понял! – добавил кто-то из «курсантов», в ответ раздалось хихиканье.

– Смирна-а! – рявкнул Мишка. – Слушай приказ!

«Курсанты» замерли, в горнице повисла тишина, слышно было только, как опять шумно сглотнул Сучок.

– «Лысого дурня» впредь поминать запрещаю! – продолжил командным голосом Мишка, поочередно фиксируя взглядом каждого из своих парней. – Обращаться к нему только со словом «старшина»! И остальным мой приказ передать!

– А как же...

– Что непонятно, десятник Демьян?

– Господин старшина, дозволю обратиться?!

– Слушаю, – разрешил Мишка и тут же прикрикнул на зашевелившихся «курсантов». – Команда «смирно» была!

Ребята снова замерли, и в наступившей тишине прозвучал вопрос Демьяна:

– Ты старшина и... этот, как же так?

– Я – господин старшина, – с нажимом на слово «господин» ответил Мишка. – Понятно?

– Так точно, господин старшина!

– Кру-гом! На выход, ступай! – скомандовал старшина Младшей стражи и, спохватившись, добавил: – Кто-нибудь болты подберите.

Пока «курсанты» выходили, Мишка старался разобраться в выражении лица Сучка. Кажется, в нем не было ни злости, ни ненависти – одно только тоскливое недоумение. Он словно спрашивал: «Господи, куда я попал? И как мне теперь тут жить?» Точки над «і» надо было расставлять немедленно, пока у Сучка подходящее состояние, и, если получится, раз и навсегда.

– Слушай, старшина, – обратился к нему Мишка. – Ты сюда не моей волей попал и не волей воеводы Корнея. Ты приехал и уехал, а мне из ребятишек воинов воспитывать надо. Христом Богом тебя прошу: не доводи до греха, – Мишка как бы невзначай положил руку на рукоять кинжала. – Не порти мне ребят.

– Чего? – Сучок ожидал чего угодно, только не того, что услышал.

– Того! Ты думаешь, я «лысого дурня» ради тебя запретил? Ради них! – Мишка указал подбородком на дверь, за которой скрылись ученики воинской школы. – Ребята должны старших уважать, а как тебя уважать, если у тебя язык и руки-ноги отдельно от головы живут? Или тебе норов дороже жизни? Тогда скажи – я тебя небожно зарежу. Только это предательством будет, и с тебя на том свете, как с Иуды Искарюта, спросится.

– Чего? – еще раз повторил Сучок, глядя на Мишку, как на сумасшедшего.

– Ничего! Ты о них подумал? – Мишка указал на Гвоздя, все еще стоявшего возле стены. – Они в закупы под твоим началом угодили, под твоей рукой и освободиться должны. Но у нас – в воинском поселении – ты, со своим норовом дурным, долго не выживешь. На прошлой неделе тебе повезло, Бурей – добрейшей души человек – тебя от смерти спас. В другой раз так не выйдет. Получится, что бросишь ты своих людей. Оставишь в трудное для них время. Не дорога тебе жизнь? Черт с тобой, но ребят мне не порти!

Сучок растерянно оглянулся на своих помощников. Гвоздь едва заметно пожал плечами, а Нил посмотрел на своего начальника так, словно видел его впервые в жизни. Плотницкий старшина кашлянул в кулак, оправил на себе рубаху, машинально завел руку за спину и, не нащупав на привычном месте топора, снова бестолково заелозил руками по телу.

Понять его было можно. Дважды на протяжении одного дня его унизили какие-то непонятные пацаны, обвешанные воинским железом. Четырнадцатилетний

мальчишка выговаривает ему, как седовласый старец несмысленно, и ведь не возразишь! Смерть, оказывается, стережет чуть ли не за каждым углом. А еще долг купцу Никифору возвращать. И семьи артельщиков – неизвестно где и как.

Все перевернулось с ног на голову. Мир, пусть и не ласковый, но знакомый и понятный, вдруг стал непостижимым и смертельно опасным. Окружающие люди, как выяснилось, живут по каким-то зверским законам, не расставаясь с оружием, подчиняясь лающим командам, но при этом сохраняют способность, как обычные люди, смеяться, воспитывать детей в уважении к старшим и (совершенно непостижимо) быть милосердными.

«М-да, попал ты, шер ами Сучок, как защитник прав секс-меньшинств в казарму ОМОНа. Как ты раньше-то не угробился с таким характером? А может, ты поразумнее раньше был? Возможно, став закупом, ты никак не можешь выработать нужную линию поведения и от неумения приспособиться к новым обстоятельствам идешь вразнос? Это вообще-то легко лечится, но поймешь ли ты меня, захочешь ли слушать?»

Будь оно все проклято! Четырнадцать лет... Сучок на меня и без того как на чудо-юдо смотрит. Может, к Нинее его сводить? Непредсказуемо, он же христианин. Но не к отцу же Михаилу! Тот будет Сучку дудеть про кротость и смирение гордыни, пока в ухо не получит, с Сучка станется».

– Выпей-ка, старшина, – Мишка кивнул в сторону сундука с посудой. – Там еще должно остаться.

Сучок глянул на корчагу с медом, будто узрел посреди океана спасательный круг, шагнул к сундуку и, не пользуясь чаркой, выхлебал остатки хмельного прямо из корчаги, пачкая пролившимся медом бороду и рубаху. Утерся рукавом, опустил на лавку, положив на колени сцепленные пальцами руки, опустил голову и тяжело вздохнул. Столько было в этом вздохе безысходности... Куда девался забияка и горлопан, не раздумывая кидавшийся с одним засапожником на трех здоровенных мужиков?

– Вот что, старшина, – негромко заговорил Мишка, – можешь, конечно, меня не слушать, но совет я тебе все-таки дам. Наплюй на все. Я не говорю: берегись,

будь осторожным и покладистым, терпи обиды. Нет, просто наплюй. У тебя есть только одна цель, только одно дело, только одна обязанность – вытащить артель из долговой ямы. По сравнению с этим все остальное – мелочь, суета, можно наплевать.

Мишка внимательно следил за реакцией Сучка. Плотницкий старшина не изменил позы, не пошевелился, но стало понятно: слушает.

– Вокруг тебя будут происходить самые разные вещи, – продолжил внушать Мишка, – плохие или хорошие, опасные и нет, веселые или грустные. Может случиться всякое: обиды, насмешки, неудачи, беды. Смотри на все это только с одной стороны: помогает это вызволению твоих людей и их семей, мешает или вообще не имеет к этому никакого отношения. Научись, заставь себя смотреть на любое событие, на любого человека только так. И тогда ничто постороннее тебя не затронет, все окажется мелким и не стоящим внимания.

Сучок сидел не шевелясь, Гвоздь и Нил не издавали ни звука, но Мишка их не видел, сосредоточив все внимание на плотницком старшине.

– Если одна цель, одно дело станет для тебя смыслом жизни, то не страшно ничего: голод, холод, боль, душевные муки – все это будет проходить мимо, не задевая тебя. Не захочется ни скандалить, ни драться. Тебе даже будет казаться странным, что кто-то тратит на такие пустяки время и силы. Цель – вызволение своих людей – достойна честного мужа, достойна того, чтобы забыть ради нее обо всем другом. Поверь мне, я знаю, о чем говорю. Если не веришь, то хотя бы попробуй. Убедишься сам: станет легче жить, станет понятно, как жить. Еще раз повторю: наплюй на все. На все, кроме одного, и тогда, рано или поздно, своего добьешься.

Сучок так и не пошевелился, но уже одно то, что он слушал, что не прервал или не показал, что все сказанное представляется ему чепухой, обнадеживало.

«Может, ничего и не выйдет, но хотя бы нарываться на неприятности перестанет, уже хорошо. А там, глядишь, что-нибудь и переменится к лучшему. Если же убьют или серьезно покалечат, то ничего уже не переменится никогда».

Мишка повернулся к Гвоздю и, стараясь не выглядеть празднoлюбoпытствующим, спросил:

- Как вас угораздило-то всей артелью - в закупы?

Гвоздь в ответ лишь безнадежно махнул рукой. Мишка настаивать не стал и заговорил деловым тоном:

- Ладно, давай объясняй: откуда взялся остров и почему выбранное место плохим оказалось.

- Там под землей водяная жила проходит. Нельзя над ней строиться - дома гнить будут, люди болеть.

- Точно знаешь?

- Точно. Мы со Шкрябкой несколько раз с лозой проходили. Да и так понятно: ни птичьих гнезд, ни звериных нор. Мышки самой малой не увидишь. Зверье плохие места чует, в сторонке держится.

Принципы работы лозоходцев Мишка понимал смутно, но в результативность их верил - однажды сам убедился на практике. Про существование геопатогенных зон знал, как знал и то, что предки места для проживания выбирать умели. Это тебе не Петр I, засадивший столицу в болото по соседству с тектоническим разломом.

«Но Ниней-то! Неужели не знала? Никогда не поверю! Почему же не предупредила? Опять волхвовские штучки? Церковь сгниет, люди переболеют, и тут мудрая волхва... Блин, неужели даже ребят не жалеет ради укрепления веры в себя - великую и ужасную? А не паранойя, сэра Майкл? Да черт его знает! Тут во что хочешь поверишь».

От размышлений Мишку отвлекли Нил и Гвоздь, сдвинувшие макет на край стола и притащившие от двери ведро, до половины наполненное влажным речным песком. Высыпав песок на стол, Гвоздь слепил из него какую-то вытянутую фигуру и принялся объяснять:

– Тут, с полверсты ниже по течению, есть не холм, а так – взгорок небольшой. Когда-то давно Пивень его с юга обтекала, а сейчас течет с севера, но старица осталась. В половодье, конечно, старицу заливают, да и ключ в ней со дна бьет, так что вода в восточной части старицы есть всегда. Получается как бы остров. Вот на нем-то крепость поставить в самый раз будет. Концы старицы плотинами перегородить – вот тебе и ров с водой, ключ его быстро наполнит. Получится глубоко, примерно в полтора-два человеческих роста, и широко – шагов двадцать пять-тридцать. А сам остров сухой, вода близко к поверхности не подходит. Очень хорошее место. И с насыпкой валов возни особой нет. Остров высокий, середину взгорка скрыть, а на краях землю подсыпать. Получится примерно три человеческих роста, потом точнее скажу. А стены поставим так.

Гвоздь принялся чертить пальцем на песке контуры крепости, а Мишка задумался над услышанным.

«Полтора-два человеческих роста – это глубина никак не меньше трех метров. И дно старицы находится выше уровня воды в Пивени, за исключением периода половодья, разумеется. Если поставить плотины, а лишнюю воду спускать через них по желобам, то напора хватит, чтобы крутить водяные колеса».

– Слушай, Гвоздь, а вы водяные колеса делать умеете?

– Он умеет, – Гвоздь кивнул на все еще сидящего неподвижно Сучка. – А зачем колеса?

– Как – зачем? – Мишка заговорил так, будто Гвоздь не понимает очевидных вещей. – Есть перепад воды в два человеческих роста, есть родник, который все время добавляет воды, есть чем крутить водяные колеса! Целых четыре!

– Да зачем четыре-то? – удивился Гвоздь. – Мельницу хочешь поставить? Так одного хватит.

– Почему только мельницу? А молот кузнечный поднимать? А пилы на лесопилке вверх-вниз дергать? Вам что, доски для строительства не нужны, брусья, прочие пиленные вещи?

– Какая-то лесопилка? – заинтересовался Нил. – При чем тут водяные колеса?

– Да все просто! – Мишка разровнял песок, стерев чертеж Гвоздя, и начал чертить на нем свой. – Смотрите! Вот так от водяного колеса крутится другое колесо наверху. К верхнему колесу крепится тяга, она тягает пилы вверх-вниз. Здесь наклонный желоб, в него кладем бревно, и оно от собственной тяжести наползает торцом на пилы. Какое расстояние между пилами, такой толщины доски и выходят. По краям получается горбыль, но и ему тоже применение найти можно. А если пилы расставить широко, чтобы только горбыль срезали, то за два прохода из бревна получается брус...

– погоди, погоди, – прервал Мишку Нил. – А где такие пилы взять? Гнуться они не будут?

– У Мудилы[4 - От древнеславянского мудити - медлить.] надо спросить, – перебил напарника Гвоздь и пояснил для Мишки. – Мудила – кузнец наш. Хороший мастер, только думает долго. Мы тут в лесу кузницу брошенную нашли, так он уже два дня раздумывает: то ли там работать, то ли сюда все перетащить. Странно как-то: инструмент, железо в крицах, уголь, руда – все лежит нетронутое, а людей нет, словно вымерли.

– Вымерли, – подтвердил Мишка. – У нас моровое поветрие было, вся весь и вымерла. Тех, у кого вы на постое живете, мы только весной сюда привели. А кузница в лесу, наверно, не зря стоит, скорее всего, там где-то рядом болотная руда есть. Кстати о постое. Пора бы вам своим жильем обзаводиться, хватит по чужим избам тесниться, да и на работу ходить далеко.

– Значит, согласен на острове крепость ставить?

– Согласен, – Мишка утвердительно кивнул. – Только не совсем так, как вы задумали. Ну-ка, Нил, рисуй снова.

Нил быстро изобразил на песке контур стен крепости, повторяющий контур берегов острова. Получился неровный эллипс.

– Не так! Стены надо спрямить, – Мишка несколькими линиями обозначил ровные линии стен, превратив эллипс в неправильный многоугольник. – Если стены прямые, вдоль них стрелять удобнее, я же уже объяснял!

– Тогда на берегу под стенами много свободного места останется, – возразил Нил. – Ворогам просторно будет.

– Ничего, берег подкопаем, – отмел возражения Мишка. – А чтобы не оплывал, укрепим сваями. Не это, мастера, главное. Не нужна нам сейчас такая большая крепость, да и народу у меня столько нет.

– В таком разе, – предложил Нил, – можно сначала детинец в середине острова поставить, а потом, как народу наберется, уже и стены вдоль берега возводить.

– Нет, поступим по-другому, – Мишка двумя вертикальными линиями разделил чертеж крепости на три части. – Что такое «равелин», знаете?

– Равелин?

– Да, – Мишка указал на отсеченную его линией часть чертежа крепости, величиной примерно с четверть. – Это кусок крепости, стоящий отдельно. Ну вроде бы как детинец, но поставленный снаружи, перед воротами. Чтобы пробиться к воротам, надо сначала пройти через него. А если пройдешь – перед тобой опять ров и опять стена. А силы-то и время уже потрачены!

– Хитро, – Нил понимающе кивнул. – Да, так нигде не строят.

– Вот с восточного равелина строить и начнем. В нем пока все мое войско поместится и еще место останется, а остальное потом будем достраивать. Пока же начинайте строить с жилья для воинской школы и выделите сколько-то человек для того, чтобы построить жилье для себя. Хватит вам на постое по чужим домам тесниться. Пока ставьте одно жилье для всей артели, а как равелин закончите, приметесь за настоящее жилье, чтобы семьи сюда привезти можно было.

При последних словах Сучок поднял голову, а Нил задумчиво прокомментировал:

– Значит, мы сюда надолго попали.

– Надолго, – согласился Мишка, – а потому надо обживаться как следует.

– Так, – Нил, упершись ладонями в край стола, навис над чертежом. – А что внутри этого... равелина кроме жилья ставить будем?

Дальше разговор пошел вполне деловой. Спорили, обсуждали, чертили по песку, стирали начерченное, снова чертили. Когда понадобилось делать расчеты, Мишка снова удивил мастеров, перемножая большие цифры «столбиком» на том же песке. Мастера Мишку тоже удивили – бригада Сучка оказалась комплексной. Кроме плотников и кузнеца в ней оказался и свой печник, и редкий по нынешним временам специалист – кирпичник. Артель, оказывается, была способна сдавать любой объект «под ключ».

Мишка все время ждал, что Сучок присоединится к обсуждению – у Нила и Гвоздя после известия о возможном приезде семей настроение явно переменялось, но плотницкий старшина продолжал сидеть молча.

За окошком стемнело, Мишка зажег свечи в резных лакированных подсвечниках. Нил и Гвоздь тут же, как и рассчитывал Мишка, заинтересовались – покрутили подсвечники в руках, похвалили работу. Мишка рассказал о токарных станках, разговор снова ушел в сторону, потом опять вернулись к теме строительства.

Дударик сыграл отбой, снаружи наступила тишина, а обсуждение проекта все продолжалось. Наконец, чувствуя, что и он сам, и мастера устали, Мишка предложил продолжить в следующий раз, и артельщики, позевывая, тронулись на выход.

Сучок, пропустив Нила и Гвоздя, прикрыл за ними дверь и, испытующе глядя на Мишку, спросил:

– Тебе сколько лет, Лис?

– Четырнадцать.

– Врешь!

– Другого ответа не будет, старшина. Ступай.

– Ну как знаешь, – Сучок немного потоптался у двери. – Может, оно так и правильно. Будь здоров, Лис.

* * *

Все это произошло в середине мая – почти полтора месяца назад, а сейчас Сучок сидел возле постели Мишки и докладывал об окончании строительства жилья для «курсантов» воинской школы. Казарма получилась просторной – в трехэтажном здании, вытянутом вдоль будущей стены восточного рavelина, могло разместиться две сотни народу, причем только на двух верхних этажах. Первый этаж заняли два больших зала – трапезная и то, что Мишка про себя называл актовым залом. В этом же здании помещалась кухня.

Позаботились строители и о себе – поставили трехэтажный дом, с мастерской на первом этаже и жильем на двух верхних. На «высотном» строительстве настоял Мишка, мотивируя свое требование экономией внутренних площадей крепости. Сучок же, уже по собственной инициативе, сделал здание «двойного назначения» – после переезда артельщиков в собственные дома в нем предполагалось устроить арсенал с шорной и обувной мастерскими.

Несмотря на успешное завершение «первой очереди» строительства, особой радости по этому поводу Сучок не демонстрировал. Мишка уже привык к тому, что плотницкий старшина относится к нему настороженно. Конфликтов у них больше не случалось, и, если не считать споров по чисто рабочим моментам, отношения были более-менее ровными. Мишка, за счет обширности своих познаний, даже снискал некоторое уважение Сучка, но по-настоящему сблизиться не удалось.

Вот и сейчас плотницкий старшина сидел в «закрытой» позе – ноги скрещены, пальцы рук переплетены, плечи опущены. Это стало уже привычным, но было и еще что-то: кажется, Сучок был чем-то обеспокоен.

– Что-то не так, старшина? – спросил Мишка на всякий случай. – Случилось что?

– Случилось... – Сучок, на протяжении всего разговора избегавший прямо смотреть на Мишку, наконец поднял глаза. – Поп ваш постройку освящать отказывается. Какая-то змея подколодная ему наплела, что мы, бесовским

обычаем, перед началом строительства человеческую жертву принесли. Поймали, мол, в лесу чужого человека, зарезали и под здание зарыли, а топоры и другой железный инструмент его кровью покروпили. От Церкви отлучить грозит, анафеме предать, а воеводу Корнея просить хочет, чтобы покарал...

– Кто наплел? – быстро спросил Мишка. – Отец Михаил к сплетням слух особо не склоняет. Если поверил, значит, наболтал кто-то, кому он верит.

– Кто-то из твоих, Лис. Чужих у нас не бывает, только моя артель и твои ребята, которых ты в помощь посылал. Мои такую дурь сами про себя болтать не станут...

– Мои – тоже, – прервал Сучка Мишка. – Им там жить.

– Так-то оно так, только наболтал обязательно тот, кто у нас там бывал. Попу окровавленный клочок одежды принесли, и вымазан тот клочок в глине, что на острове в глубине лежит, сверху-то глину не видно, копать надо.

– Та-ак, – Мишка задумался. Обвинение было серьезным, да еще и подкреплено «вещдоком». – Может, заходил кто-то, а ты внимания не обратил потому, что привычно. Кто еще на стройке бывает, так, что это странным не кажется?

– Внучка Нинеина, ребятишки из Нинеиной веси забегают, но редко, – начал перечислять Сучок. – Еще Листвяна, с двумя девками, еду привозила дней десять назад.

«Листвяна? Не она ли подгадила? Но зачем? Преступлений, как известно, без мотива не бывает. Какой у нее может быть интерес в том, чтобы строительство затормозилось, а то и вообще было заброшено? Если она собирается родить ребенка от главы рода, то ей прямая выгода от того, чтобы род становился все сильнее. Ни хрена не понимаю!»

– Десять дней назад, говоришь? А когда отец Михаил тебя человеческой жертвой попрекнул?

- Гм... - Сучок на некоторое время задумался. - Пожалуй дня через два после того. На Листвяну думаешь, Лис?

- Погоди, старшина, рано на кого-то думать. Ты этот клочок одежды видел, отец Михаил тебе его показывал?

- Да, показал. Все верно: кровь, глина. Я уж и перед святыми иконами клялся, и крест целовал...

- Не поверил?

- Не то чтобы не поверил... Сомневается. Может, говорит, кто-то из артельных втайне от меня. Как будто что-то там можно втайне от меня сделать! А ты почему спрашиваешь, Лис?

- Да так, ничего. Я просто понять пытаюсь: как это все произойти могло. Припомни-ка, когда Листвяна приезжала, там у вас какая-нибудь яма была вырыта, чтобы эта глина снаружи была?

- Не было никакой ямы. Да и не переправлялась она на тот берег. Твои парни все из телеги в лодку перегрузили и за несколько ходок перевезли. Листвяна на острове вообще не была.

«Значит, не она. Но по срокам-то совпадает! Преподобный Майкл наехал на Сучка через два дня после ее визита. Мог ей тряпку кто-то из ребят передать?»

- Чей десяток в тот день у тебя работал?

- Кажись... - Сучок почесал в затылке. - Кажись, Первака.

- Кажись или точно? - настойчиво переспросил Мишка.

- Точно! Листвяна еще ему и Вторуше гостинцы какие-то привезла.

– Но ям никаких не было? И все время, пока десяток Первака у вас работал, не было?

– Не было.

«Не складывается. Не мог же Первак или Вторуша специально яму выкопать, чтобы тряпку глиной измазать? Ерунда, решение должно быть более простым. Блин, только детектива мне еще и не хватало, мало других приключений. Что-то крутится в голове, есть какая-то неувязка...»

– Слушай, старшина, что ж ты мне сразу-то не сказал, а только сейчас?

– Так я сначала своих порасспросить хотел. Мало ли: кто-то поранился, кто-то одежду порвал... Ни у кого ничего, а на следующий день у вас тут междоусобица случилась. Не до того стало. И поп ваш другими делами отвлекся. Но ведь вспомнит же, так не оставит!

– Не оставит. Тут ты, старшина, прав. А ну-ка как на духу: напраслину на вас возвели или что-то все же было?

– Ты что?! – вскинулся Сучок. – Да что ж такое-то? Как где крепость ставить надумают, сразу же одни и те же разговоры начинаются! Или первого прохожего зарезать надобно, или бабу в стену замуровать. Да не просто бабу, а молодую, красивую, и чтоб непременно женой главного строителя была! И было-то всего один раз, когда в Новгороде Великом кремль строили, да и то – вранье!

– Так было или вранье?

– Вроде бы было... может быть, – Сучок, похоже, сам не был уверен в достоверности истории. – Рассказывают, что ждали, когда первая женщина в ворота войдет, а жена зодчего как раз ему обед принесла. Ну ее и... того. А он после этого с башни вниз головой кинулся. Любил жену очень. Да если б это правдой было, кто бы за строителей замуж выходил?

– Ну ты-то как раз не женат, – подколот Мишка, – а если надумаешь Алену в стену замуровать, так она тебе всю крепость по бревнышку разнесет.

- Тьфу! Все тебе шуточки, Лис!

- Да брось ты, старшина. Не плакать же, в самом деле? Вон у меня пол-морды сожжено, даже не знаю, буду ли левым глазом видеть, но не скулю же!

- Дикие вы какие-то, - мрачно отозвался Сучок. - Даже дети насмерть бьются.

- Делай, что должен, и будет то, что будет.

- Будет... - Сучок поморщился, как от зубной боли. - У тебя, говорят, троих убили, для них уже ничего не будет.

- У меня - одного, - поправил Мишка. - Еще двух девчонок бунтовщики зарубили.

- Девчонок? Ну вы звери.

- А лучше б было, если бы нас сонных вырезали? Ты хоть знаешь, старшина, что здесь было?

- И знать не хочу! Лучше - не лучше... Лучше, когда вообще никого не убивают! Лучше бы ты, Лис... - Сучок вдруг замолк на полуслове. - Слушай! А даже если бы и была яма, то все равно не получается!

- Это как? - не понял Мишка. - Что не получается?

- А нету там, где мы сейчас строим, такой глины! Шкрябка объяснял, что раньше, когда-то давно, там высокий холм был, потом он осел, а река вокруг него другой глины и песка намыла. Потому эта глина только наверху, в середине острова, есть, а мы-то строим с краю!

- Погоди, погоди. Выходит, что даже если бы вы действительно человека там зарыли, его одежда все равно не могла бы в той глине запачкаться?

- Ну да!

– Что ж, тот, кто на вас напраслину возвел, специально на середину острова бегал, чтобы тряпку вымазать?

– Не-а! Для этого место надо знать. Мы смотрели, на том месте еще недавно, несколько лет назад, глину брали. Она для обжига хороша – посуду делать, другие вещи.

«Так. Кто мог знать, что на этом месте глина иная, чем в округе? Ниня. Сакраментальный вопрос при любом расследовании: кому выгодно? Опять Ниня! Мы от плохого места для строительства отказались, нашли другое. Она нас и подставила. Красава-то на стройке крутится. Но как Ниня отцу Михаилу тряпку передала? Очень просто – через старостику Беяну, для того сама в Ратное и притащилась. Ну бабка!»

– Вспомнил! – возопил вдруг Сучок. – Вспомнил! Мы же кучу этой глины к себе притащили, хотели попробовать кирпичи из нее делать! Любой к этой куче подойти мог, даже и не зная, что ее в этом месте нет, а надо за ней на середину острова мотаться!

«Пардон, Ниня Всеславна, приношу свои извинения за напрасные подозрения. Все складывается. Первак или Вторуша, проходя мимо кучи глины, мазанули тряпку и отдали Листвяне. Я же говорил, что все должно быть просто!»

– Так, старшина, можешь больше об этом деле не беспокоиться, – уверенно заявил Мишка. – Я сам с отцом Михаилом все обговорю, никаких подозрений на тебе больше не будет.

– Что, так просто?

– Проще некуда. Ну не таскали же вы покойника до середины острова, чтобы в глине вымазать? Да и не знали вы тогда про ту глину, начинали-то вы стройку больше месяца назад.

– Ага. Как положено – в новолуние, а закончили в русалью неделю. Все по обычаю!

Да, обычаи артель соблюдала неукоснительно и строжайшим образом, Мишка однажды сам в этом убедился. Приехав в тот день на стройку «из учебной усадьбы», он стал свидетелем весьма впечатляющего зрелища. Голый по пояс плотник по кличке Куна тащил, надрываясь, к берегу Пивени здоровенное бревно, а остальные артельщики по очереди хлестали его по спине розгами.

По окончании экзекуции, когда бревно было сброшено в реку, Сучок объяснил Мишке смысл произошедшего. Оказывается, Куна проглядел бревно с сучком, выросшим не на поверхности ствола, а изнутри. Такой сучок потом выпадает из бревна, оставляя после себя косую круглую дырку. Это считается очень плохой приметой, способной навлечь на жильцов множество бед.

– Вот-вот, по обычаю, – решил приободрить Мишка плотницкого старшину. – Отец Михаил умён, все поймет. А того, кто на нас напраслину возвел, мы, наверно, никогда не узнаем – тайна исповеди, сам понимаешь.

– Ну и слава богу! – Сучок вздохнул с явным облегчением. – А то, что мы под дом конский череп положили, мед, хлеб, воск... Церковью это не возбраняется. Мы даже череп лошадиный старый взяли, не стали коня губить...

– Ладно, ладно. Закончили с этим, беру все на себя. У тебя еще дела какие-нибудь ко мне есть?

– Есть, Лис. Ха! А ведь и вправду Лис! Как ты это все хитро повернул... А дело такое: помнишь, ты что-то там про лесопилку говорил?

– Говорил, и что?

– Понимаешь... – Сучок снова полез скрести в затылке. – Закуп, конечно, должен на хозяина работать, но никто же не запрещает ему, если может, работать и на себя. Доски – товар дорогой...

– Хочешь долю с продажи?

– Не для себя, для артели. Лис, мы без обмана. Крепость тебе выстроим – залюбуешься! Все, что еще скажешь, сделаем, но ты пойми: людям надежда нужна, верить надо, что из кабалы вырвемся!

– Водяные колеса поставишь?

– Не сомневайся!

– Лес нужен будет выдержанный, из сырого доски дрянные получатся.

– Лес заготовим, под навесами выдержим, все как надо будет.

– Быстро не получится, – продолжил охлаждать пыл Сучка Мишка. – Пока заготовите лес, пока он под навесом вылежится, пока пилы откуете, лесопилку поставите... Может, что-то с первого раза не выйдет, переделывать придется. А там – зима, водяное колесо встанет.

– Ну и ладно! Мы же крепость не завтра закончим. До весны лес под навесом дойдет, весной пилить и начнем.

– А продавать где? В Ратном покупателей на доски много не найдется.

– Э! Был бы товар, а покупателя найдем. Слушай, Лис, а до больших городов здесь далеко? Я, когда сюда плыли, как-то не приглядывался, настроение не то было. Меня выпусти сейчас, так я и дороги домой не найду, больно уж далеко нас Никифор завез.

– А где дом-то твой, старшина?

– В Новгороде-Северском... – Сучок запнулся и тяжело вздохнул. – Нету дома. И у меня нету, и у артельщиков – все за долги продали. И нас тоже продали...

– Как же вы так? Это ж какой долг должен быть, чтобы вся артель в кабалу попала?

– А! – Сучок безнадежно махнул рукой. – Чего уж теперь? Человека мы убили, не простого человека, а княжьего. И не просто княжьего, а ближника.

«Да-а... Это вы попали, ребята. По Русской Правде Ярослава Мудрого за убийство княжьего человека штрафы назначаются немилосердные. Где-то я читал, кажется, у профессора Рыбакова, что доходило до нескольких килограммов серебра, даже до десятков килограммов. И особенно не разбирались – если не находили убийцу, штраф брали с того, на чьей земле обнаруживался труп».

– Ты только не подумай, что мы жертвоприношение перед строительством устроили! – неправильно понял Мишкино молчание Сучок. – Случайно все вышло. У боярина Козлича – ближника князя Олега Святославича – кто-то из родни помер. Он по такому делу церковь-обыденку заказал. Ну, такую, что за один день строится. Мы взялись, а он нет чтобы подождать до вечера, все крутился под ногами, во все нос совал, так извел, что хоть работу бросай. Терпели-терпели, а потом взяли да и подпортили немного подмостья, думали, что свалится, ушибется да и отстанет от нас.

Сучок замолк и принялся одергивать и оправлять на себе рубаху.

– А Козлич не просто ушибся, – подсказал Мишка, – а насмерть.

– Угу. Шею свернул.

– И какая же вира вышла?

– За боярина – пятьдесят гривен, за то, что церковь в срок не достроили – еще пять, за то, что убийство в Божьем храме, хоть и недостроенном, учинили, – еще десять. Двенадцать гривен мы сообща собрали. У баб своих серьги, колты, ожерелья... даже кольца обручальные позабирали. Дома и все хозяйство, по приговору, за бесценок ушло – меньше четверти долга. Остальное Никифоров приказчик уплатил. Сам в долги залез, но больно уж выгодно ему показалось – мы же лучшая артель. Не только в Новгороде-Северском, нас и в Чернигов звали, и в другие места.

– Понятно. А лихву какую Никифор положил?

- Вроде и по-божески – десятину в год, да только десятая от такого долга... – Сучок опять вздохнул и махнул рукой. – На нее одну целый год и горбатиться, если еще придумаешь как.

- М-да. Крепко вас.

«Правильно я тебя понял, Сучок, – горазд ты на опасное озорство. Рано или поздно такие, как ты, обязательно нарываюся на серьезные неприятности. Ладно бы сам, а ты еще и людей своих подставил, и семьи их. Нет, не случайно у тебя это все вышло. Не в тот раз, так в другой бы влипли. Нет у тебя в зазоре между желанием и действием мысли. Захотелось – сделал, а подумать, перед тем как делать...»

- Какую долю в продаже досок хочешь, старшина?

- Половину! – выпалил Сучок и настороженно уставился на Мишку. – Вся работа наша, твоя только задумка.

- Да? А то, что на моей земле лесопилка стоять будет? А то, что мой лес вы на доски пилить будете? А то, что в ущерб моей работе прибыль себе зарабатывать станете?

В принципе Мишка был не против предложения плотницкого старшины, но не поторговаться – потерять лицо, уважать не станут. Аргументы оказались весомыми – Сучок поколебался и осторожно спросил:

- Какую ж ты долю себе хочешь?

- Не дергайся, старшина! Я же понимаю: половину ты запросил для того, чтобы выторговать четверть. Что, не так?

- Не так! Половина – цена справедливая!

- Справедливая? А давай-ка подсчитаем! Сколько тебе останется с цены досок, если лес ты у меня будешь покупать, за пользование лесопилкой платить, за

задержку строительства тоже платить? Да еще не забудь, что доски до покупателей довести надо – перевоз ведь не бесплатный. Погрузить – людей опять от строительства отвлечешь. Сколько-то народу с досками отправить придется, пока довезут, пока расторгнутся, пока вернуться... Опять люди от работы отвлечены. Ну, много тебе останется?

Сучок совсем сник. Снова сцепил пальцы рук, опустил голову и пробормотал:

– Лис он и есть Лис. Так обведет, что еще и должен останешься.

– Я же сказал: «Не дергайся, старшина». Признавайся: рассчитывал на четверть?

– Чтоб тебя леший... Рассчитывал.

– А я рассчитывал дать тебе тридцать пять досок из каждой сотни. Не кочевряжился бы – так бы и урядились. А теперь даю тридцать. Согласен?

– Много тебе навару с пяти досок!

– Не в наваре дело, старшина. Я тебе возможность на волю выкупиться даю, а ты норов мне показывать принялся. За то и вира с тебя. Грамоту писать будем или на слове согласимся?

– На слове? С Лисом? – начал было Сучок, но, вспомнив о норове, тут же поправился. – Согласен. Верю на слово.

– Тогда еще одно условие.

– Что еще? – опять насторожился плотницкий старшина.

– Не бойся, условие простое. О нашем договоре не болтать. Своим скажи, чтобы охотнее работалось, но больше никому.

– Это можно. Не беспокойся, Лис, не разболтаем.

– Теперь еще одно дело. Подбери несколько вязов обхвата в полтора, отложи отдельно, пусть выдерживаются, я потом скажу, что с ними делать...

Дверь распахнулась, и в горницу вошла Листвяна в сопровождении кухонной девки, несущей поднос с едой. Ключница строго глянула на Сучка и объявила:

– Михайле Фролычу поесть надо, скоро лекарка придет перевязку делать!

Сучок послушно поднялся с лавки, но Листвяна остановила его:

– погоди, старшина, дело к тебе есть, – ключница жестом велела холопке поставить поднос на лавку и обратилась к Мишке. – Михайла Фролыч, надо бы плотников на новые огороды послать – ограду поправить, да и избушку хоть небольшую поставить, девки в шалашах намучились. А так и снасть огородную будет где хранить, и от непогоды укрыться, и переночевать, если потребуется. Если не хочешь много народу от крепостного строения отрывать, так можно всего двоих-троих плотников, а в помощь им десяток ребят из воинской школы. Хоть бы и десяток моего Первака.

Сучок вопросительно глянул на Мишку, тот согласно кивнул:

– Хорошо. Только, старшина, ты взял бы, да сам съездил или Гвоздя послал. Там надо опытным глазом посмотреть, по-моему, место для деревеньки подходящее.

– Добро, сделаем, – согласился Сучок. – Гвоздя пошлю, он хорошо места для жилья выбирать умеет.

– Так я прямо сейчас пошлю кого-нибудь из ребят в воинскую школу и в крепость? – спросила Листвяна. – Чтобы уже сегодня Первак свой десяток на огороды привел.

– Посылай.

«Чего ей приспичило-то так срочно? Если десяток Первака и доберется, то уже в конце дня. Или хочет, чтобы прямо с утра за работу взялись? Ладно, ей видней».

– Михайла Фролыч, тебя покормить или сам попробуешь?

– Сам, только под спину мне чего-нибудь подложи, чтобы сидеть можно было.

Мишка переждал приступ головокружения, более слабый, чем вчера, и принялся запихивать в себя еду – аппетита не было совершенно никакого, хотя и не тошнило. Листвяна, заметив, что Мишка глотает с усилием, тут же заботливо подала кружку с квасом.

– Запей, Михайла Фролыч.

Дело пошло легче, а Листвяна сидела рядом и ворковала:

– Хорошо молодым быть – любые болячки быстро проходят и силы быстро восстанавливаются, – Мишка решил, что речь идет о нем, но оказалось, Листвяна имеет в виду Юльку. – Молодая лекарка аж три ночи возле тебя просидела, вся серая с лица сделалась. А выпалась – и опять как яблочко наливное.

«Чего ей надо-то? Вежливая, ласковая, заботливая. Меня по отчеству величает, Юльку нахваливает... Точно: нагадила чем-то! Или собирается? То, что номер с кровавой тряпкой не прошел, она еще не знает, но, может быть, еще что-то в том же духе задумала? Зачем ей это? Мотив надо понять, но пока не выходит. Срыв строительства ей никакой выгоды принести не может, для чего же она эту подлянку подстроила? Не понимаю, а надо! Надо разобраться в ее мотивации, тогда можно предвидеть следующие ходы. Блин, и деду-то ничего не скажешь. Даже если найду неопровержимые доказательства ее паскудства и даже если он их примет... Все равно Листвяна – его „лебединая песня“, он мне этого не простит. Да и жалко старого, едрена-матрена. Что ж придумать-то? Мотив! Пока не пойму, ничего делать нельзя!»

Мишка продолжал машинально жевать, не прислушиваясь к воркотне Листвяны, но вдруг сознание зацепили какие-то слова...

– Так Юлька уже пришла?

– Да, у Анны Павловны сидит, – подтвердила Листвяна. – Ждет, пока ты поешь.

– Зови, – Мишка протянул ключнице миску и ложку. – Все, наелся, больше не хочу.

– Да ты и половины не съел, Михайла! Анна Павловна сердиться будет. Съешь еще хоть немного.

– Не хочу, тошнит меня. Зови лекарку!

– Ну как знаешь... А еду я оставлю, может, лекарка тебя уломает еще поесть.

– Уломает, уломает... Юлька на что хочешь уломает, зови!

Глава 2

– Здравствуй, Юленька. А я все думаю:

Да что ж такое происходит?

Ко мне все Юлька не приходит,

А ходят в праздной суете

Разнообразные не те.

«Плагиат, сэр Майкл, да еще такой бездарный. И не стыдно?»

Юлька неожиданно поддержала критику «внутреннего собеседника»:

– Все еще бредишь? А сказали, на поправку пошел.

– Вот ты пришла – мне сразу и полегчало.

- Что-то не заметно. То орал: «Берегись, стрела!» – а теперь и вовсе чушь несешь... хотя складно. Какого только бреда с вами не услышишь.

Несмотря на ворчливый тон, было заметно, что Юлька довольна. Только непонятно чем: состоянием пациента или стихами?

- Давай-ка рассказывай: где болит, как себя чувствуешь?

- Глаз почти не болит, только там все время мокро, а вот ухо почему-то болит, даже жевать больно, – принялся перечислять Мишка. – А еще встать не могу – голова кружится и тошнит.

- А сейчас голова кружится?

- Нет, только когда приподнялся, но быстро прошло.

- Ладно, давай-ка посмотрим, что у тебя там.

Юлька принялась снимать повязки, а Мишка с трудом сдерживался, чтобы не спросить, не принесла ли она случайно с собой зеркало. Он сам не ожидал, что состояние внешности будет так сильно его волновать. К уху повязка присохла, Мишка зашипел от боли, но на Юльку это не произвело ни малейшего впечатления, она даже и не попыталась его успокоить «лекарским голосом».

- Юль, меня сильно поуродовало? – не выдержал наконец Мишка. – Рожа здорово страшная?

- А ты и так красавцем не был, – «порадовала» Юлька. – Такую харю сильно не испортишь.

- А вот и врешь! – запротестовал Мишка. – Красава, внучка Нинеина, на мне жениться обещала. Красавец, говорит, писаный, только собольей шубы и красных сапог не хватает. Но сапоги с шубой – дело наживное.

- Ну я же говорю: бредишь! Может, все-таки она за тебя замуж выйти хотела, а не жениться?

– Не-а! Так и сказала: «Вырасту и женюсь на тебе!» Замуж каждая выйти может, а вот жениться... Но Красава, наверно, способ знает – внучка волхвы все-таки.

Юлька наконец не выдержала и фыркнула:

– Трепач! Надо было тебе лучину в язык всаживать, а не в глаз! А ну не лезь! – лекарка шлепнула Мишку по руке, которой он потянулся пощупать ухо. – Не зажило еще!

– Ну, что тут у нас? – раздался вдруг из-за Юлькиной спины голос Настены.

Мишка даже и не заметил, когда она успела войти в горницу.

«Консилиум, сэ. Видать, дела серьезные. Слава богу, Буряя третьим не пригласили – добивать, чтоб не мучился».

– Вот, мама, – Юлька отодвинулась, чтобы не мешать матери.

– Глаз промой ему, – Настена, внимательно вглядываясь в Мишку, легко притронулась пальцами к его лбу возле брови, оттянула нижнее веко. – Ну-ка попробуй глаз открыть, Мишаня.

Мишка попробовал, получилось плохо.

– Шевелится, – с удовлетворением констатировала Настена. – Все хорошо: глаз видит, веко шевелится, будет чем девкам подмигивать.

– Это я обязательно! – бодро отозвался Мишка и для убедительности пропел:

На закате ходит парень возле дома моего.

Поморгает мне глазами и не скажет ничего.

И кто его знает, чего он моргает,

Чего он моргает, чего он моргает?

Тари-тари, тари-тари, тари-тари-там!

– Ну если запел, то выздоравливает! – Настена довольно улыбнулась. – Промывай ему глаз и перевязывай. Пожалуй, через пару деньков поднимется.

– Так что у меня с мордой? – дождавшись, когда Настена выйдет, снова спросил Мишка. – Бурея по страхолюдству переплюну или нет?

– Ну прямо как девка! – возмутилась Юлька. – Ничего особо страшного. Бровь, конечно, сгорела, но вырастет снова... почти вся. Чуть-чуть кривая будет, но несильно. Волосы на голове тоже отрастут...

– А с ухом что?

– Ну... – Юлька помялась, но под настойчивым взглядом Мишки все же продолжила: – Ты когда на спину упал, уголек к уху скатился. Подшлемник волосам гореть не дал, но сам тлеть начал, и как раз там, где ухо... Пока с тебя шлем стащили, пока то да се... В общем, прижарилось у тебя ухо. Даже обуглилось слегка.

– И что?

– Ну пришлось отрезать немного...

– Сколько это – «немного»?

Мишка опять полез щупать ухо и опять получил шлепок по руке.

– Не трогай! Как бы еще кусок отрезать не пришлось. Да ты не бойся, Минь, под волосами не видно будет.

– Эх, молодежь, молодежь. Только б вам резать, – тоном старого доктора из не менее старого анекдота проворчал Мишка. – Юль, вон там воск лежит, дай-ка мне кусочек.

Размяв воск в пальцах, он вылепил из него некое подобие ушной раковины.

- Показывай, сколько отрезали?

Юлька немного поколебалась, потом несколькими движениями отщипнула верхний край.

- Мать честная! Эльф!

- Что? - непонимающе переспросила Юлька. - Какой эльф?

- У латинян сказка такая есть - про лесных людей. Они такие же, как люди, даже детей могут от людей рожать, только уши у них заостренные, как у зверей.

- А-а. Ну у тебя только одно ухо заострилось.

- Так у них полукровок так и называют - полуэльфы.

- Трепач. У него чуть не пол-уха сгорело, а ему все хаханьки, - лица Юльки Мишка не видел, потому что она как раз накладывала ему повязку, но по голосу чувствовалось, что лекарка улыбается. - Ты и на собственных похоронах шуточки шутить будешь?

- Ага! Приходи, посмеемся.

- Дурак!

- Правильно! Дед Корней так и сказал: «Одна половина бунтует, другая половина с ума сошла, остальные - в жопу раненные». Ранен я совсем в другое место, в бунте замечен не был, так что, выходит, сумасшедший.

- Хватит! - решительно заявила Юлька. - Шутки шутками, а Роська твой до горячки доигрался - в жару лежит. Ты думаешь, мать сюда на морду твою шпареную любоваться пришла? Она с Роськой сидит, а попа, дружка твоего, за волосья с крыльца стащила. Приперся! Сам одной ногой в могиле стоит и парня туда же тащит!

- Да ты что?

- То! И тетка Варвара чуть не померла. Вам, дуракам, смешно - стрелу в задницу поймала, а того не знаете, что там кровяная жила проходит. Порвать ее - смерть, нету способа такие раны лечить. Фаддей, дурень, стрелу дергал, как морковку из грядки, а стрела-то от шлема отскочила - кончик погнутый! Разворотил, когда вытаскивал, так что тётка Варвара чуть кровью не изошла. Еще бы на волосок в сторону, и все - порвал бы жилу кровяную. Правильно его твои ребята отлупили - чуть собственную жену по дури не угробил.

- Ну Варвара тоже хороша! Любопытство ее когда-нибудь угробит - вечно ей все новости раньше всех надо знать... А остальные ребята мои как?

- Про Гришу тебе уже сказали?

- Да. Царствие ему небесное, - Мишка перекрестился, Юлька даже и не подумала. - С Роськой все понятно, вернее, ничего не понятно. Как думаешь, выкарабкается?

- Не знаю, горячка от запущенной раны... хуже нет.

«Эх, пенициллину бы сюда, а так... У них же почти никаких средств для борьбы с сепсисом, а Роська еще и в депрессию впал. Совсем хреново».

- Ладно, будем надеяться, - Мишка в упор посмотрел на лекарку и отчетливо произнес, снова осеняя себя крестом, - Бог милостив.

- Помолись, помолись, - Юлька скептически покривила рот. - Только не вздумай, как Роська, сутки напролет в церкви корячиться. Возись потом с тобой.

- Не буду. Как остальные раненые?

- Яньке Бурей шею вправил, уже и не болит. У Марка плечо еще немного опухшее, правой рукой не скоро сможет свободно шевелить. Серьке палец на ноге пришлось отнять, на костылях прыгает.

- Что? Даже на пятку наступать не может?

– А ты думал? Ступня – такая вещь... Потом-то ходить нормально будет, а пока – на костылях.

– Говорят, ты около меня три ночи просидела, – Мишка осторожно взял Юльку за руку. – Спаси тебя Христос, Юленька, который раз ты уже меня спасаешь... и ребят моих, тоже.

– Да ладно тебе... – Юлька смущенно потупилась, на щеках заиграл румянец. – Такое уж у нас дело – лекарское. А зато я, когда Серьке палец отнимали, половину дела сама сделала, мама только присматривала!

«Едрит твою... Ну и герлфренд у вас, сэр Майкл! Тринадцать только в октябре исполнится, от живого человека кусок отхряпала, а радуется, будто ей новое платье подарили! Сумасшедший дом, чтоб мне сдохнуть! А... а вот возьму и уговорю мать Юльке платье сшить, такое же, как у сестер. И вальс танцевать научу! И вообще закатим бал по случаю новоселья воинской школы, и танцевать буду только с ней одной, пускай все святоши удавятся!

Вообще-то надо бы ее похвалить, вон как радуется. Что б такое сказать, вроде комплимента? Блин, сразу и не придумаешь, больно уж повод специфический. Ну и ладно, в определенных случаях комплимент вполне успешно заменяется доброжелательной заинтересованностью».

– Так ты что же, скоро уже и сама сможешь, без материнной помощи?

– Еще долго не смогу, – Юлька тоскливо вздохнула. – Тут ведь не только правильно отрезать да зашить требуется. Надо еще и так сделать, чтобы у больного сердце от боли не зашлось, а я пока не могу.

– Как же так? Ты когда моих ребят на дороге лечила, они вообще боли не чувствовали.

– Боль, Минь, разная бывает, настоящей, самой страшной, ни ты, ни твои ребята еще и не чувствовали. И больные тоже разные бывают. Ребята твои мне легко поддались, а для взрослого мужа я не лекарка, а девчонка сопливая, он мне не верит, а значит, и наговору моему не поддастся.

«Да, с анестезией у ЗДЕШНЕЙ медицины проблема, и еще лет семьсот эту проблему решить не смогут. Под нож лучше не попадать. Слава богу, Максим Леонидович обещал, что я умру здоровым, видимо, руки-ноги в погребении были в полном комплекте и следов переломов не наблюдалось. Что еще можно определить по старым костям? Не знаю, но и сказанное утешает».

– Минь, – заговорила вдруг Юлька каким-то непонятным тоном, – как только полегчает, уезжай-ка ты побыстрее в свою школу, не болтайся в селе.

– Юль, ты чего?

– Ратники на тебя сильно злятся, говорят, что Корней стаю щенков на людей натаскал, а ты в той стае вожак. Утром сход был, Корней указывал: кого изгнать, кого оставить. Устинья, жена Степана-мельника, и Пелагея, невестка его, дочь Кондрата, – тебя прилюдно прокляли. Устинья совсем ума лишилась, шутка ли – муж и все три сына убиты. А у Пелагеи муж, брат и отец. Бурей их обеих оглушил, прямо кулаком по голове, а мужи раскричались, говорят, Корнея хватать начали... может, и врут. Там же Лука Говорун и Леха Рябой со своими десятками конно и оружно были. И твоих три десятка Митька привел, верхом, в бронях с самострелами. Так что вряд ли кто-то решился рукам волю давать, но горячились сильно. Данила прямо на копье Луке кинулся, рубаху на груди рванул, кричит: «Бей, все равно не жить!»

– А Данила-то с чего?

– А ты не знаешь? Устинья-то – его дочь от холопки. Так что сыновья Степана – его внуки, все трое. Он же всего года на три-четыре моложе Корнея, а дочку с холопкой прижил, когда ему еще четырнадцати не было.

«М-да, когда все друг с другом в каком-нибудь родстве, только тронь, и пойдет цепляться одно за другое. Кто ж знал, что сыновья Степана придется внуками Даниле? И куда Данила смотрел? Ведь знал же о заговоре!»

– Сам виноват! Знал о заговоре, а внуков не удержал! А может, рассчитывал снова сотником стать?

– Не знаю, Минь. Говорят, Данила у десятников в ногах валялся, просил дочку на поруки взять. Никто не согласился, не любят его. А Пелагея Корнею в глаза поклялась обоим сыновей воинами вырастить и в ненависти к тебе воспитать, чтобы не было ему покоя, а под конец жизни чтобы могилу твою увидел.

– Ну это мы еще посмотрим, кто чью могилу увидит!

– Уезжай от греха, Минь! Пока ты в доме, ничего не случится, а как поправляться начнешь, уезжай, не задерживайся в селе. Подстерегут где-нибудь и убьют. Все же понимают: ни Лука, ни Леха Рябой, ни Игнат против Корнея не пойдут. Тихон тоже. А с остальными, если что, ты расправишься. Корней ведь ратников друг на друга натравливать не станет, для этого у него теперь Младшая стража есть.

– Не будут бунтовать – ни с кем расправляться и не придется.

– Да что ж ты непонятливый такой! – взорвалась возмущением Юлька. – Взрослым ратникам мальчишек бояться – это же унижение какое! Не простят тебе, не забудут, рано или поздно найдут способ отыграться! Уезжай, Минька, хочешь, Христом твоим тебя попрошу? Уезжай!

Такой Юльку Мишка еще не видел: кажется, девчонка знала, о чем говорит, и напугана была всерьез.

– Да что ж ты, Юленька... – он притянул Юльку к себе. – Успокойся, уеду я. Как только смогу, так сразу и уеду. У меня скоро еще полсотни ребят появится, крепость достроим, пусть только кто-нибудь сунется...

Мишка шептал своей подружке еще что-то успокаивающее, называл ее ласковыми прозвищами, гладил по голове, сам поражаясь всплывшей неизвестно откуда странной смеси нежности и готовности порвать любого, кто нанесет Юльке малейшую обиду. И не было в этом чувстве ни намека на сексуальность, хотя по ЗДЕШНИМ понятиям юная лекарка уже входила в возраст замужества (выдавали замуж и в двенадцать), было желание успокоить, защитить, оградить от жестокости окружающего мира и...

Совершенно неожиданно начало приходить чувство слияния, которое они уже переживали, когда удерживали на грани жизни и смерти раненого Демьяна. Но сейчас оно было несколько иным: во-первых, непреднамеренным, возникшим спонтанно, во-вторых, слияние не несло радостного чувства переполненности энергией. Юлька, видимо неосознанно, пыталась донести до Мишки свою тревогу, а он всячески сопротивлялся, стараясь ее успокоить и внушить оптимизм. Сознание взрослого человека, более богатый жизненный опыт, накопленный за долгие годы запас скептицизма позволяли Мишке легко сопротивляться внешнему потоку информации, делали его ментально сильнее... хотя правильнее было бы, наверно, сказать не сильнее, а защищеннее. Юлька через этот барьер пробиться не могла, тем более что не осознавала его существования, да и не смогла бы понять сути.

Остатками рационализма, растворяющегося в слиянии двух сущностей, как сахар в горячем чае, Мишка понял: сопротивляться не нужно. Юлька пусть еще совсем молодая, но лекарка. Она привыкла проникаться ощущениями больного – по едва заметным признакам определять его настроение и самочувствие, через ее руки прошло если не все, то большая часть населения Ратного. Она чувствует на эмоциональном уровне общее настроение и, как прирожденный медик, будучи не склонной к панике или преувеличениям, способна оценить настрой селян достаточно объективно.

Мишка мысленно расслабился, барьер истаял, и тут же возникло ощущение близости зверя – большого и опасного. Зверь еще не испуган, но уже обеспокоен, еще не разъярен, но уже подобрался и напрягся. Сразу же родилась и ассоциация – медведь, окруженный собаками. Охотник еще не подошел, но уже где-то рядом, и собаки только и ждут появления хозяина, чтобы накинуться со всех сторон. Каждую из них в отдельности медведь убил бы или обратил в бегство без особых усилий, с охотником он тоже без страха сошелся бы один на один, но вместе... Убить! Убить вожака стаи, потом перебить или разогнать остальных собак, а тогда уж и с охотником можно разобраться, тем более что без своих зубастых помощников тот может и не решиться напасть.

Вот он, этот зверь, – ратнинская сотня, и вот он, вожак стаи, – сотников внук Мишка, старшина Младшей стражи. Убить или иным способом избавиться от него, и охотник отступит – зверь слишком силен...

Деликатный стук в дверь прозвучал прямо-таки громом небесным. Юлька торопливо высвободилась из Мишкиных объятий, схватила старую повязку и

преувеличенно тщательно принялась ее сматывать. Мишка чуть не выматерился вслух от досады, но сдержался – рядом сидела девчонка, а такую куртуазность, как предварительный стук в дверь, во всем Ратном мог изобразить только один человек – отец Михаил.

– Входи, отче! – громко произнес Мишка и подмигнул удивленно оглянувшейся на него Юльке.

– Мир вам чада, я не помешал?

– Нет, отче, я уже закончила.

Юлька начала торопливо складывать в сумку лекарские принадлежности, потом спохватилась и, перекрестившись, подошла под благословение. Как бы скептически Настена ни относилась – не к религии, разумеется, а к жрецам, – соблюдать внешнюю благопристойность она дочку приучила.

– Не спеши, Иулия, переговорить с тобой хочу... Или тебя больные ждут?

– Нет, никто не ждет, отче.

– Вот и поговорим об отроке Василии. Миша, ты, наверно, тоже о нем со мной поговорить хотел?

– Хотел, отче, – не стал отказываться Мишка. – Только разговор неприятным оказаться может. Ты уж прости, но я за десятника Василия перед Богом и людьми отвечаю, и если с ним беда приключилась, хочешь не хочешь, спрос и с меня тоже.

– В этом ты прав, и спорить с тобой было бы глупо и несправедливо, – отец Михаил помолчал немного в раздумье. – И что же ты мне сказать хотел?

– Отче, ты бы присел, разговор долгий, да и неудобно – ты стоишь, я лежу, – Мишка подождал, пока священник устроится на лавке, и продолжил: – Василий воинское обучение проходит. Ты, отче, надеюсь, не будешь спорить с тем, что воину плоть умерщвлять, подобно чернецу, неуместно. Воин иным способом усердие в вере проявляет, телесная слабость ему не пристала.

- Так, - отец Михаил кивнул. - Иулия, как здоровье отрока Василия?

- Плохо, - произнесла Юлька прямо-таки прокурорским тоном. - В беспамятстве он, в жару, в горячке.

- А его? - Священник кивнул на Мишку.

- Ему полегчало. Теперь на поправку быстро пойдет, а Роська... то есть Василий, не знаю. Пока не о поправке говорить надо, а о том, выживет ли, - Юлька даже и не скрывала, что считает виновным в произошедшем попа. - Мама, конечно, сделает все, что можно, но не знаю.

- Все в руке Божьей, будем надеяться. Матушка твоя, как я понял, меня во всем винит?

- А кого ж еще? - мрачно отозвалась Юлька. - Сам, конечно, тоже дурак, но мог же ты ему указать!

- Мог бы, - согласился священник. - И оправдываться не собираюсь! Ведомо мне и то, что неофиты часто излишним усердием грешат, бывает, что и во вред. Но вот ты, Иулия, сказала, что не знаешь, выживет ли Василий. Не знаешь, но, если есть на то хоть малейшая надежда, будешь лечить! Скажу более: даже если не будет надежды, ты все равно будешь бороться за жизнь больного до последнего мгновения. Так?

- Так, - Юлька явно не понимала, к чему клонит отец Михаил, и смотрела настороженно. - Лекари иначе и не могут.

- А ты, Миша, часто повторяешь одну мысль: «Делай, что должен, и будет то, что будет». Так?

- Так, - подтвердил Мишка, уже догадываясь, какой аргумент последует дальше.

- Оба вы: и ты, Иулия, и ты, Михаил, - видите в сем свой долг и готовы исполнять его, невзирая ни на что! Так почему же вы отказываете мне в праве исполнять мой долг? Пути Господни неисповедимы, искренняя молитва слышна Господу, мог ли я быть уверенным в том, что не перст Божий привел отрока Василия в

храм? Мог ли я быть уверенным в том, что не произойдет чуда и по молению его Господь не исцелит раненого? Мог ли я изгнать молящегося из храма?

Отец Михаил обвел горящим взглядом собеседников, тяжело, с хрипом вздохнул, на щеках его проступил нездоровый румянец. Юлька и Мишка молчали. Мишка нашёл бы что возразить священнику, но не хотел обижать своего тезку и учителя, да и поздно – словами делу не поможешь. Юлька же, кажется, уже забыла о теме разговора и смотрела на отца Михаила лекарским взором, как по-писаному читая диагноз – чахотка.

– А теперь помыслите, чада. И у лекаря бывают неудачи – не всегда лечение удаётся. И у воинов случаются поражения. Так же случилось в этот раз и со мной. Скорблю. Молюсь о здравии отрока Василя и не ищу у вас ни оправдания, ни жалости, но лишь понимания.

Вся злость у Мишки куда-то подевалась, оставив после себя только жалость к отцу Михаилу и к Роське. Обоих он любил и их страдания ощущал, как собственные. Убедил ли священник в чем-нибудь Юльку, Мишка не понял, скорее всего, нет. Самому Мишке никакие убеждения были не нужны – рядом с ним сидели два человека, для которых правило: «делай, что должен» – было не словами, а смыслом жизни, но как по-разному они понимали свой долг!

Повисшее в горнице молчание следовало как-то прерывать, иначе либо отец Михаил примется дальше изводить себя, либо Юлька ляпнет чего-нибудь непотребное.

– Понимаю, отче. Все ты верно говоришь, но пойми и ты. Роська... – отец Михаил недовольно шевельнул бровями, услышав языческое имя. – ...Да, отче, тогда он еще был Роськой! Так вот, Роська, сколько себя помнит, жил на ладье и другой жизни не знал. Не было у него ни дома, ни семьи, даже имени своего настоящего он не ведал, потому что попал в рабство малым ребенком. Сейчас он приспособливается к новой жизни, ищет в ней свое место. Помочь ему в этих поисках – наша обязанность, подталкивать к тому или иному выбору – грех. Если он выберет стезю служения Господу, слова не скажу поперек, но выбор его должен быть сознательным, при ясном понимании того, к чему этот выбор приведет. А пока... То, что он неумерен в своих поисках, никого удивлять не должно – юношеский максимализм, ничего не поделаешь. Потому и удерживать его от излишнего, как ты сказал, усердия – наш долг.

Мишка прикусил язык, но было уже поздно – отец Михаил отреагировал на его речь, а особенно на слова «юношеский максимализм», так, словно увидел перед собой некое чудо. Он даже, по всей видимости чисто машинально, перекрестился и растерянно произнес:

– Миша... Ты... В который раз уже. Не устаю изумляться: откуда это? От старца умудренного такое услышать – понятно было бы, но тебе всего четырнадцать! Если бы не сам тебя в купель окунал...

«Блин, какой прокол! Нервы, сэр, или резко прерванный контакт с Юлькой так подействовал? Черт бы побрал этот возраст, когда уже вырасту? Среди своих, а как в тылу врага – забудь про искренность!»

– Не ты первый изумляешься, отче, хотя как раз тебе-то и не с чего, – ситуацию надо было отыгрывать, и Мишка решил, что нападение – лучшая оборона. – Ты же меня не только грамоте обучал, вспомни: ты прежде всего учил меня думать. Воевода Кирилл говорит: «Плох тот учитель, которого не превзошел ученик», и он тоже приучает меня думать. Поставил под мою руку полсотни мальчишек и дал в наставники Андрея Немого. Тут поневоле задумаешься, что отроками движет и как их обуздать? А не ты ли меня поучал: «Обуздаешь их – обуздаешь себя»? Чему же ты изумляешься? Что ты такого от меня услышал, что, как следует поразмыслив, не сказал бы любой разумный человек? Спасибо тебе за науку, отче.

– Чудны дела Твои, Господи, – отец Михаил, несомненно, был польщен, но какие-то сомнения, видимо, еще оставались. – Порадовал ты меня, чадо, но...

Разговор надо было срочно уводить в сторону, и Мишка не дал священнику завершить фразу:

– А хочешь, отче, еще тебя порадовать? Жертвоприношение, которое плотники якобы учинили, наветом оказалось – вранье!

– Не шути с этим, Миша, враг рода человеческого хитер и в заблуждение ввести может и людей более умудренных, чем ты... – отец Михаил осекся, поняв, что именно он только что сказал, но после небольшой паузы все же продолжил: –

Речь о самом сильном и самом богопротивном колдовстве идет – о ворожбе на человеческой крови и погублении бессмертной души! Так просто это отмести невозможно.

– А я и не отмечаю, отче. Я разобрался. Тебе в подтверждение навета клочок одежды принесли, кровью и глиной замаранный, а глины такой на месте строительства нет! Ни на поверхности, ни в глубине. Приедешь постройки освящать, сам в этом убедишься. Вдобавок, тряпку тебе эту притащили более чем через месяц после начала строительства, а глина на ней была свежая! Может такое быть? Не может!

– Гм... – отец Михаил задумался, машинально поглаживая священнический крест. – Были и у меня сомнения, не скрою. И раб Божий Кондратий перед святыми иконами клялся, крест целовал, я видел – не врет. Выходит, навет... нет пределов злобе людской и зависти.

– Я не спрашиваю, отче, имени клеветника – тайна исповеди нерушима. Сам найду, тем более что это не так уж и трудно. А когда найду...

– Остановись, Миша! – отец Михаил выставил перед собой ладонь в протестующем жесте. – Ты и так уже, своим судом, неправедно кровь человеческую пролил!

– Я?!

– Ты, Миша, ты. За что ты убил людей в доме Устина?

– Они бунтовщиками были! Как тати в ночи, подкрались, чтобы нас убить!

– Как тати, говоришь? А ну-ка припомни: кто-нибудь из них к вам на подворье заходил?

– Они не успели...

– Заходил или нет?

– Нет, отче, не заходил.

- Значит, те, кто укрылся в доме Устина, ничем вашим жизням не угрожали?

- Они собирались...

- Угрожали или нет?!

- Нет, отче, не угрожали.

- Когда ты их преследовал, они пытались остановиться, подстеречь тебя и нанести какой-либо вред?

- Нет, отче, не пытались.

- А теперь, сын мой, обрати мысли свои к Высшему Судии! Люди шли к твоему дому с преступными намерениями, но потом передумали... Неважно почему! - священник повысил голос, не давая Мишке возможности перебить себя. - Неважно, по какой причине, передумали и вернулись домой! Ответствуй, как перед Высшим Судией, за что ты их убил?! Женщина - раба Божья Марфа - защищала свой дом и детей! За что ты ее убил? Отрок Григорий пошел за тобой по твоему приказу, значит, не ведал, что творил, и принял смерть лютую - скончался в муках! За что ты его убил?!

«Боже мой, опять та же формулировка: „Превышение пределов необходимой самообороны“! Это никогда не кончится! Ни ТАМ, ни ЗДЕСЬ. Это проклятие, от которого не скрыться и за девятью веками времени! ТАМ я ответил ударом на удар, ЗДЕСЬ я ответил ударом на удар. В чем моя вина? В том, что мой удар оказался сильнее? В том, что не дал ударить себя повторно? В том, что не стал ждать, когда меня надумают убивать еще раз?»

Мишке вдруг начало казаться, что он сходит с ума - события XX и XII веков перемешались и стало невозможно отличить одно время от другого. Он как будто со стороны услышал свой голос в комнате для допросов следственного изолятора «Кресты»: «В яслях, в детском саду, в школе - одни женщины. „Вовочка, не кричи, Вовочка, не бегай, Вовочка, не дерись!“ Если Вовочка все это честно выполняет, то в темной подворотне не он будет защищать свою девушку,

а девушка его!!! А потом кричите, что мужиков настоящих не осталось!» Но следователем была женщина. «Вы, Ратников, могли позвать на помощь охрану, вы могли спрятаться под койку». – «Да меня после этого „опустили“ бы!!!» – «Но зато вы не стали бы убийцей!» Следователем была женщина, судьей тоже была женщина...

– За дело он их убил! За то, чтобы его матери не пришлось дом и детей защищать! За то, что воин, порушивший присягу и умышленный против сотника, повинен смерти! За то, что враг должен быть убит, или он убьет тебя!

Мишка даже не сразу понял, что в горнице звучит голос Настены. Лекарка стояла в дверях, видимо явившись на громкие голоса, и, направив на отца Михаила указательный палец, говорила так, словно рубила топором:

– Ты, поп, у них присягу принимал, а теперь клятвopреступников защищаешь! Он, по-твоему, должен был ждать, когда они второй раз напасть надумают? Или тебе обязательно надо, чтобы все в чем-то грешны были? Чтобы виноватыми себя считали? Виноватого легче подчинить, легче рабом сделать! Пастырем себя называешь? А долго ли твое стадо проживет, если у него рога отпилить да собакам зубы выбить?

– Умолкни, женщина! Не ведаешь, что говоришь...

– А ты сожги меня! Как мать мою попы сожгли! За то, что людей лечила, за то, что младенцам на свет появляться помогала, за то, что смерть с порога гнала!

Гордая осанка, твердый голос, уверенный тон, ни малейшего намека на скандальный визг озлобленной бабы. Мишка буквально физически почувствовал, как Настена, одним своим голосом и видом, вытягивает его из водоворота безумия, куда его начало было затягивать.

– Замолчи! Ты не смеешь святых отцов...

– Смею! – Настена притопнула ногой. – Ты, долгогривый, одного парня до горячки довел, теперь за второго взялся? Не дам! У тебя самого смерть за плечами стоит!

- Не тебе, ведьма, предрекать волю Божью...

Отец Михаил вдруг схватился за грудь и зашелся в надсадном кашле, на губах его выступила кровь.

- Ну вот, - Настена сразу же утратила весь свой грозный вид. - Эй, кто-нибудь! Бегите за Аленой, пусть страдальца своего забирает да домой тащит! Юлька, бегом на кухню! Пусть вина с медом смешают да подогреют немного. Ну-ка, дыши аккуратнее, долгогривый, не сжимайся, расслабься, не рви себе нутро, и так, наверно, одни лохмотья там.

Настена заставила священника опереться спиной на стену, что-то подсунула ему под голову, заговорила «лекарским голосом»:

- Тихо, спокойно, медленно... Не тяни в себя воздух, он сам войдет.

Тонкой струею, свежестью светлой, ласковым
ветром раны обвеет.

Силой наполнит и боли утишит. Горести сгинут,
и радость вернется.

Нету болезни, и нету печали - ветром уносит,
вдали разметает.

Жар, что от сердца лучами исходит, грудь
согревает и горло смягчает.

Тело теплеет, покоится мягко, соки струятся
по жилам свободно,

В пальцах, в ладонях тепло тихо бьется, вверх
по рукам поднимается к телу.

Медленно голос мой сон навевает, веки набрякли,
губы ослабли,

Плечи обвисли, грудь чуть колыхает...

Мишка почувствовал, что на него начинает наплывать сонливость. Отец Михаил тоже задышал ровнее, расслабился, и, хотя в груди у него еле слышно сипело, приступ, кажется, пошел на убыль. Настена еще продолжала что-то говорить, но смысл слов до Мишки уже не доходил, слышен был только монотонный, успокаивающий голос. Последней ясной мыслью перед окончательным погружением в сон было:

«Ну вот. А говорят, что на меня заговоры не действуют...»

* * *

Разбудил Мишку голос деда:

– Давай, давай! Ничего он не спит, а если спит, разбудим – нечего днем дрыхнуть, на то ночь есть! Михайла! Хватит бездельничать, давай-ка делом займись, мне, что ли, за тебя отдуваться все время?

Мишка раскрыл глаз и увидел, что дед вталкивает в горницу приказчика Осьму.

Нового приказчика привез с собой Никифор и поставил его начальником над Спиридоном и тремя работниками. Внешность у Осьмы была совершенно классической, словно у актера, играющего роль купца в одной из пьес Островского: среднего роста дородный шатен с окладистой бородой и расчесанными на прямой пробор, слегка вьющимися на концах волосами. Глазки маленькие, нос картошкой, губы полные, сочные. Ладонки маленькие, пухлые, с сосискообразными пальцами. Ноги кривоватые и, пожалуй, коротковатые, что делалось особо заметным из-за упитанности тела.

Но на внешности тривиальность и заканчивалась, все остальное у Осьмы было совершенно нестандартным. Начинать можно прямо с имени. Прозвище Осьма было производным от... тоже прозвища – Осмомысл. Прозвища весьма уважительного, свидетельствующего о незаурядном уме. Не был Осьма ни

закупом, ни вообще каким-нибудь должником Никифора, а в недавнем прошлом являлся весьма успешным купцом, которому Никифор сам был чего-то должен, но не в финансовом плане, а в морально-нравственном.

Как понял Мишка из весьма туманного комментария Никифора, погорел Осьма «на политике» – каким-то образом «не вписался» в процесс перевода князем Юрием Владимировичем своей столицы из Ростова в Суздаль. Князь Юрий еще не снискал себе прозвища Долгая Рука, но прятаться от него уже приходилось как можно дальше. Так Осьма и оказался в Ратном.

Мишку новый приказчик «поставил на место» сразу и бесповоротно, причем без малейшего хамства или намеков на разницу в возрасте. Мишка было начал объяснять ему все то, что объяснял Спиридону об устройстве лавки, склада и прочего. Осьма выслушал, не перебивая, а потом сам начал задавать вопросы, и тут Мишка понял, что имеет дело с настоящим профессионалом, возможно, даже покруче Никифора.

Кто в Ратном более влиятелен в невоенных делах – сотник или староста? Сколько потребуется платить в сотенную казну за право держать в Ратном лавку? Как соотносятся в местной торговле серебро и натуральный обмен? Какая доля привозимых на осенний торг в Княжьем погосте товаров идет в уплату податей и сколько остается для торговли? Возят ли товары водным путем в Пинск и выгодно ли это? К каким селениям есть сухопутный путь, а куда можно добраться только водой или по льду? Склонно ли местное население пограбить путников? Имеются ли постоянные банды грабителей? И так далее, и тому подобное.

Мишка откровенно «поплыл», а потому безропотно принял заключительный комментарий Осьмы:

– Ты, хозяин, дай мне время осмотреться, разобраться, кое-что попробовать. Потом, если чего напортачу, укажешь. Но не напортачу – дело свое знаю и никогда никого, кто мне доверялся, не подводил. Когда присмотрюсь, поговорим, таиться от тебя не стану – как надумаю дело наладить, все тебе и обскажу.

Мишка все понял правильно. Уважительное обращение «хозяин», обещание согласовывать планы, а на самом деле: «Не учи папу жить с мамой, мальчик». В

очередной раз помянув недобрым словом свои «паспортные данные», Мишка смирился. В конце концов, было даже интересно понаблюдать за работой настоящего профи, поднявшегося в бизнесе до уровня политической фигуры регионального уровня (иначе с чего бы князю Юрию Суздальскому наезжать на Осьму?). Но понаблюдать не вышло – тренировки «спецназа» в «учебной усадьбе» поглотили Мишку почти целиком, только раз в неделю удавалось вырваться в воинскую школу с «инспекционным визитом».

Приходилось выбирать: либо торговля, либо обучение военному делу. Это заставило Мишку иными глазами взглянуть на викингов, которых он до того считал обыкновенными пиратами: умение сочетать войну и торговлю оказалось вовсе не простой штукой. По-иному вспомнилось и высказывание Луки о дядьке Никифоре: «Когда торгует, а когда и на щит взять умеет», оказавшееся нешуточным комплиментом материнному брату.

Теперь было непонятно: то ли Осьма наконец-то решил прийти с первым отчетом, то ли дед его пригнал исключительно для того, чтобы внук без дела не валялся. Мишку спросонья взяла досада: чем закончился приступ у отца Михаила – неизвестно, Юлька ушла, теперь вот с этим разговоры разговаривать...

– Здрав будь, хозяин.

– Здравствуй, Осьма, проходи, садись.

– Благодарствую, – Осьма устроился на лавке основательно, как будто собирался засесть у Мишки надолго. – Как здоровье, что лекарка говорит? Глаз-то видеть будет?

– Говорит, что будет.

– Вот и ладно. Главное, чтобы зрению ущерба не было, а остальное – мелочи.

Раздражение не проходило, а спокойная, неторопливая речь Осьмы заводила еще больше. Вдобавок болела затекшая во сне шея.

– Осьма, ты как, по делу пришел или просто поведать?

– О здоровье справиться – тоже дело, – приказчик словно и не заметил Мишкиного хамства, Мишка чуть не плюнул со злости. – Но и дело тоже есть, и не одно. Поговорить-то ты способен, или мне через денек-другой зайти?

– Могу, – Мишка попробовал приподняться, чтобы изменить позу, его тут же замутило. – Только помоги мне немного ниже лечь, а то мутит от дурманного зелья. Все никак не отойду.

– Дело знакомое, – Осьма ловко поддержал Мишку под спину и поправил подушку. Рука у него оказалась неожиданно сильной. – Квасу пей побольше, надо нутро промыть. Брусники бы тебе еще, хорошо от этого дела помогает, но где ее сейчас возьмешь? Так удобно лежать?

– Да, спасибо. Что за дела-то?

– Одно дело спешное, хотел с Корнеем обговорить, а он к тебе погнал, – Осьма развел руками, словно извиняясь за то, что нарушил Мишкин покой. – Сотник Корней сегодня с утра свою волю объявил: трех баб с семьями к родителям возвращают, а пятерых просто изгоняют. До нашего торгового дела это прямое касательство имеет.

«Он что, рехнулся? Чем тут торговать-то? Стоп! Дома, поля, огороды – у тех, кого отправляют к родителям. Еще и холопы, если только они их с собой не заберут. А у тех, кого просто изгоняют, – вообще все имущество. Дед говорил, что разрешит взять только то, что на одной телеге увезти можно. Блин, я и не подумал даже, не до того было».

– Так ты собираешься их имущество скупить?

– И это тоже, – Осьма согласно склонил голову. – Но с этим можно и повременить, а сейчас надо с самими отъезжающими разобраться.

– С отъезжающими?

– Ну да! Они же по домам поедут, я разузнал, сухим путем. Значит, если с ними поехать, узнаем дорогу к их селищам. Сотник Корней им охрану дает, вот и нам

бы с товаром вместе с ними поехать. Я почему к тебе пришел? У тебя в воинской школе купеческие детишки обучаются караваны охранять, пусть бы съездили вместе с охраной – хорошая учеба получится. Ваша ключница собралась паренька в воинскую школу с вестью послать, я его задержал. Если ты согласен, хозяин, то можно через того гонца и Петра с его отроками вызвать. Здесь их на три отряда разведем и к ратникам, которые охранять караваны поедут, приставим. Так как?

– А что? Дело хорошее. Согласен. Только надо у ратников спросить: согласятся ли отроков с собой взять?

– Я уже договорился – каждому ратнику по куне, и все покажут, объяснят, присмотрят за ребятами в пути.

– Погоди, погоди... Мне тут рассказали, что народ на Младшую стражу зло затаил, как бы беды не натворить. Кто в охране-то пойдет?

– Лука и Тихон со своими людьми. Их четырнадцать и у Петра четырнадцать, сам Петр пятнадцатый. Выходит по десятку на караван. И я по одному работнику пошлю. Ну что, вызывать Петра?

– Давай.

Осьма набрал в грудь воздуха и гаркнул:

– Спирька!!!

В дверь просунулась прохиндейская рожа Спиридона.

– Здесь я, Осьма Моисеич!

– Скажи пареньку, чтобы ехал и передал все, как уговорено.

– Слушаю, Осьма Моисеич!

«Быстро ты Спирьку выдрессировал, чувствуется хватка. Хотя этому типу много не нужно, пару раз морду начистить, и шелковый станет, но верить ему нельзя ни на копейку».

Спирька скрылся, а Осьма продолжил все так же спокойно и размеренно:

- Теперь о тех, кого изгоняют на все четыре стороны. Пять баб и тринадцать детей разного возраста. Идти им некуда, я разузнал, родни в округе у них нет. Значит, либо сгинут, либо кто-то их похолопит. Почему не мы?

- Да ты что? Своих...

- Какие же они свои? Изгои, на твою жизнь и жизнь твоей родни умышлявшие.

- Бабы, детишки?

- Муж и жена плоть едины. Господь же наш ревнитель наказывает детей за грехи отцов до третьего и четвертого колена. Нас, грешных, Господь сотворил по образу и подобию своему, почему же нам не следовать Его примеру?

«Ну да. Дед, помнится, объяснял, что христианство выгодно, но не до такой же степени! Вот, значит, как олигархами становятся! Личные связи с властями предержащими, плюс оправдание любого своего „коммерческого“ предприятия постулатами официальной идеологии, плюс полное отсутствие морали. То-то он от Юрия Суздальского аж через несколько границ утек. Долгорукий – мужчина серьезный. Эх, кто бы ТАМ так же Березовского шуганул. Нет, пока Ельцин президентствует, „Березу“ не тронут...»

Осьма между тем продолжал:

- Сейчас в Ратном три десятка твоих ребят. Да хватит и двух десятков, я сам с ними поеду. Догоним, полоним, отведем в Княжий погост. Спирька туда малую ладью пригонит, он один раз уже туда ходил. Сейчас многие добычу, в Куньем городище взятую, сбывать хотят. Погрузим все на ладью, на весла холопов посадим – и вниз по Пивени, потом по Случи. Дня за три до погоста доберется.

Там баб с детишками – на ладью и в Пинск. В Пинске приказчик Никифора сидит, поможет быстро расторгнуться...

– Нет!

– Что «нет»?

– Пусть изгои, пусть злоумышляли, но своими, ратнинцами, я торговать не стану! Бабы меня и так прилюдно проклинали, а если я их еще в рабство...

– Нет так нет, – легко согласился Осьма. – Пусть другим достанутся или зверью на обед. Однако куньевскую добычу ты в Пинск отправить не против?

– Не против.

«Что же вы натворили, сэр Майкл? Пять женщин, тринадцать детей... „кому-то достанутся или зверью на обед“. XII век, одиночки не выживают, даже этот „коммерсант“, туды его мать, вынужден к кому-то пристраиваться, хозяином называет, курва. Где правда, в чем? У отца Михаила своя правда – я пролил невинную кровь, у Настены своя – клятвопреступников карать без жалости, у Пелагеи своя – будь ты проклят, Бешеный Лис.

А где моя правда? С чем я сюда пришел? С избавлением от тюрьмы и смерти, с радостью от подаренной второй жизни? А еще с чем? В Бога не верю, сотне сам гибель предрек... Тпру, стоять, сэр! Кажется, уже договаривались: никаких интеллигентских самокопаний и самобичеваний. Все идет так, как должно идти в этом времени и в этих обстоятельствах. Бойтесь замараться? Ну так извольте проследовать в сортир с намыленной веревкой! Впрочем, это мы уже однажды обсуждали...»

– Хозяин, ты слушаешь?

– Что?

– Э-э, может, ты устал, потом продолжим?

- Нет, говори, что ты хотел.

- Я говорю: продал бы ты мне дом Устина.

- Чего? - Мишка даже не сразу понял, о чем идет речь. - Ты о чем, Осьма?

- Да нет, хозяин, я все понимаю! Чужим в Ратном строиться или покупать дома не дозволено, я узнавал. Разве что на посаде, да и то еще неизвестно, посада-то у вас пока нет. И тебе усадьбой владеть не по возрасту. Но других-то хозяев нет. Устин убит, жена его убита, детей их к родне отсылают. Ты усадьбу на щит взял, тебе и владеть, то есть пока, конечно, деду твоему вместо тебя, но через два года ты в возраст войдешь, дед тебе меч навесит, тогда ты в своем праве будешь.

- Но все равно же чужому продать нельзя будет, - язык так и чесался послать Осьму с его коммерцией куда подальше. - Что за два года изменится?

- Э, хозяин, за два года много воды в Пивени утечет, всякое случиться может. Но я столько ждать не могу, мне семейство перевезти сюда надо. Я что предлагаю: купчую я подпишу с тобой, силы она пока иметь не будет, а жить в том доме я буду как бы по указу сотника. Это можно, я узнавал. Через два года купчая вступит в силу, но знать об этом никто не будет - живу себе и живу. А еще сколько-то времени пройдет, так никто и не задумается - привыкнут.

- Дед в курсе?

- Что?

- С дедом ты это все обговорил?

- А как же? Он так и указал: продаются только постройки, другое имущество, холопы, пашенные земли, разные угодья - все тебе. Так я и не претендую, холопы - дело наживное.

- Слушай, Осьма. Вот ты сюда семью перевезти собираешься... Представь себе, что кто-то их по дороге из Суздаля перехватит так, как ты наших изгоев предлагаешь перехватить. Как это тебе?

– Ну во-первых, я из Ростова, а не из Суздаля. Во-вторых, семья у меня уже в Турове. А в-третьих... чего ты хочешь-то? Тут уж, куда ни кинь, везде клин. Для изгоев легкой судьбы не бывает. Самое лучшее, если в холопы угодят, но могут разбойникам попасться или зверью. Могут просто с голоду помереть или от болезни, но это долго, раньше до них кто-нибудь добраться успеет. Совесть тебя мучает? Ну возьми их к себе в крепость! Только тогда каждый день жди: либо нож в спину, либо яд в еду. Я их судьбу менять не предлагал, я предлагал на их беде нажитья.

– Что ты сказал? Ты что, б...дь, сказал...

– Уймись, парень...

– С-сволочь, это ты мне... – Мишка сел на постели, перед глазами поплыло, преодолевая тошноту, он сунул пальцы в рот и высвистал сигнал: «Тревога, все ко мне!»

– Стой, ты что делаешь, парень!

– Ур-рою, падла... – Мишка попытался опереться рукой на край постели, но ладонь соскользнула, и он свалился на пол. – Не прикасайся ко мне!

Не обращая внимания на Мишкино сопротивление, Осьма подхватил его и уложил обратно.

– Да что ж ты творишь, парень? Разве ж можно так?

Мишка снова попытался свистнуть, но рот наполнился тягучей слюной, и у него ничего не получилось.

– С-сука брюхатая, сейчас ты у меня наживешься...

За дверью послышался топот ног и дедов командный рык:

– Стоять! Я кому сказал? Всем назад, я сам разберусь!

– Я тебе разберусь, старый хрыч! – возник на фоне общего шума голос Настены. – Совсем очумели мужики. А вы чего здесь? В кого стрелять собрались? Пошли вон!

Что-то пробубнил молодой голос, кажется Дмитрия, в ответ снова рыкнул дед:

– Он старшина, а я сотник! Вон отсюда!!!

Мишка снова, уже понимая, что дед никого к нему не допустит, попытался свистнуть, но Осьма прижал его руки к постели, потом обернулся к двери и закричал:

– Корней Агеич, да зайди ты наконец, не уймется никак твой Лис!

Вместо деда в горнице появилась Настена.

– А ну отпусти парня! – рявкнула она на Осьму. – Прочь руки!

– Да он сам же себе навредит, гляди, как его корежит.

– Не навредит! – Настена обернулась назад и кого-то там схватила. – А ну, подика сюда!

Мишка от изумления даже забыл о тошноте – Настена тащила деда в горницу за бороду!

– Вы что тут устроили? Я что, вас все время в разум возвращать должна?

– Да отпусти ты, дурища! – дед безуспешно пытался высвободить бороду из пальцев Настены. – Ох, ядрена м-м-м...

Настена коротко двинула свободной рукой, и дед, скрючившись, начал оседать на пол.

– Я тебя отпущу! Я тебя так отпущу – неделю в нужнике ночевать будешь! – лекарка, выпустив бороду деда, повернулась к Осьме. – А ты, торгаш...

Осьма не стал дожидаться продолжения и, подхватив лавку, многозначительно подкинул ее в руках, перехватывая для удара.

Мишка заскреб пальцами по стене, пытаясь дотянуться до висящего над постелью пояса с оружием.

– Все!!! Хватит!!! – заголосил с пола дед. – Остановитесь все!!! Михайла, лежать! Осьмуха, оставь лавку, не тронет тебя никто! Настька! Настька, встать помощи. Размахалась, понимаешь, меня лошадь так не лягала.

– Что случилось? – донесся голос матери.

– Корней Агеич, что с тобой? – вторил ей голос Листвяны.

– О господи! – взвыл дед. – Вас только тут не хватало! Настена, Христа ради, уведи их! Все уже, никто никого не тронет.

Лекарка подозрительно оглядела присутствующих и неожиданно подчинилась деду.

– Анюта, Листя, пошли отсюда.

– Да что у вас тут...

– Пойдем, пойдем, – прервала мать Настена. – Мужики дурью маются. Пойдем, там поговорим, – лекарка подхватила мать и Листвяну под руки и повлекла в сторону сеней. – Пошли, бабоньки, парнишек успокоить надо, а то они за самострелы похватались, долго ли до беды...

Осьма проводил женщин взглядом, шумно выдохнул, поставил лавку на пол и протянул руку деду:

– Вставай, что ли, Корней Агеич.

– Да пошел ты, Осьмуха... Ох, ядрена матрена. Лекарка, а дерется, как Бурей. Знает ведь, в какое место двинуть, жаба.

– Д-а-а, грозна бабища, – согласился Осьма. – Я думал, грознее вашей Алены никого и нет. А эта... ну надо же...

– Кхе! Ты еще не видал, как она на пару с Лаврухой зубы больные рвет! Вот где ужас-то! Лавруха клещами зуб ухватит, а она ка-ак даст в лоб! Только искры из глаз. А Лавруха хрясь зуб изо рта... – Деда аж передернуло от жутких воспоминаний.

Мишка, после второго за день эмоционального срыва, лежал в совершенной прострации. Дед с Осьмой еще о чем-то говорили, даже, кажется, немного посмеялись – ему было все равно, он закрыл глаз и погрузился в тупое бездумье. Осьма что-то рассказывал про лекаря-пьяницу, который лечил его в Юрьеве после ранения, полученного в схватке с чудью. Кажется, юмор ситуации заключался в том, что лекарь с пьяных глаз принял Осьму за роженицу и обозлившийся приказчик Осьмы поволок его протрезвляться в проруби, чуть при этом не утопив. Протрезвев, лекарь очень ловко зашил широкую рану от лезвия рогатины, но на следующий день ничего не помнил и последними словами ругал неумеху, зашившего плечо вкривь и вкось, авторитетно заявляя, что таким лекарям надо руки обламывать, а еще лучше душить их в колыбели, чтобы потом не возиться.

Дед в ответ поведал душераздирающую историю о том, как Бурей, доставая рыбью кость, застрявшую в горле у одного из обозников, ненароком сломал локтем нос не вовремя подсунувшемуся другому обознику.

Похоже, оба собеседника чего-то ждали, развлекая друг друга медицинскими анекдотами. Голоса скользили по краю Мишкиного сознания, не вызывая никакой реакции и превращаясь постепенно в «белый шум». Ни малейшего желания выбраться из этого «сна наяву» у Мишки не возникало. Наоборот, он ощущал удовлетворение оттого, что не надо ни о чем думать, ни о чем беспокоиться, ни на что реагировать. Нет, ничего вокруг нет: ни гнусного циника Осьмы, ни посланных на смерть или рабство женщин и детей, ни деда с его непомерными требованиями, ни Листвяны с ее интригами, ни предшественника с матерным посланием, ни Первака, ни иеромонаха Иллариона, ни людей в маскхалатах, ни... Пошли они все в самые разнообразные места!

Потом в монотонный шум вплелся голос Настены:

– Ты что обещал, старый?

– А что такое? Все хорошо, вон он – спит.

– Это, по-твоему, спит? Подойди-ка!

– Михайла, эй, Михайла, – кто-то потряс Мишку за плечо. – Михайла, проснись.

«Нет, не хочу. Ни видеть, ни слышать, ни просыпаться, ничего вообще не хочу. Достало меня все, и вы все достали. Господи, сдохнуть бы, чтобы все это закончилось. Сдохну, вернусь в Питер и... и там тоже сдохну, и наконец-то все это закончится, не могу больше».

– Как тряпочный... Настена, чего это с ним?

– Не с ним, а с вами, дурнями! Заездили парня. Осьма, чего ты ему наговорил?

– Да ничего такого особенного...

– Ничего особенного? А с чего он ребят своих высвистал? Ты хоть представляешь, что бы они с тобой сделали, если бы мы их не остановили?

– Осьмуха... Кхе, ты что, от себя чего-то придумал?

– Что ты, Корней Агеич? Как договаривались: сначала про изгоев поговорили, он не придумал ничего. Ты-то говорил: выдумает, выдумает такое, что нам и в голову не придет. Не выдумал он ничего.

– Кхе... А потом? Он же не из-за этого своих убийцев звать стал?

– Не из-за этого. Я ему предложил мне усадьбу Устина продать. Сказал, что раз он на щит ее взял, значит, она ему и принадлежит. Со всем хозяйством: с холопами, пахотными землями, угодьями. Тут, правда, непонятно как-то вышло. Любой парень на его месте обрадовался бы, а он... Знаешь, Корней Агеич, ему вроде бы даже неинтересно было.

- Неинтересно? Кхе! Как это неинтересно?

- погоди, Корней. осьма, ну-ка вспомни хорошенько: почему ты решил, что ему неинтересно? Продавать не захотел или торговался без интереса?

- Да нет, Настена, об этом и речи не было. Он разговор обратно на изгоев перевел. Ну а я, знаешь, таким гнусом прикинулся и говорю: «Судьбу их изменить ты не можешь, но можно на их горе нажиться» - тут и началось!

- Еще раз и подробно. Как он разговор с усадьбы на изгоев перевел?

- Да что ж ты прицепилась, Настена? Глянула бы лучше Михайлу...

- Заткнись, Корней! Учить еще меня будешь! Говори, осьма.

- Гм... Я обмолвился, что семейство сюда перевезти собираюсь, для того, мол, и усадьбу хочу купить, а он и спрашивает: «А если твоих так же переймут, как ты изгоев перенять собираешься?» А в чем дело-то?

- А ты не понимаешь? Вчера родился? Лежит парень... Не муж матерый - мальчишка! Лицо обожженное, треть уха отрезана, боится одноглазым уродом на всю жизнь остаться и не радуется тому, что на него богатство свалилось, а мучается из-за баб и детишек. И ты ничего не понял?

- Гм, я как-то и не подумал.

- А ты, Корней, подумал?

- А я-то чего? Кхе... Меня вообще в горнице не было!

- Ты-то чего? Давай-ка вспоминай: кого ты ему с утра для разговора прислал?

- Стерва.

- О чем разговор был?

- О том, чтобы дозор с болота снять, из которого эти... «пятнистые» приходили.
- Значит, напомнил Михайле лишний раз, что на него неизвестно кто охотится? Так?
- Кхе... Выходит, так.
- Как это охотятся, Корней Агеич?
- Да видишь, Осьмуха, была тут одна история...
- Погодите, мужики, потом истории рассказывать будете. Кто следующий приходил и с каким делом?
- Сучок приходил. О строительстве говорили, наверно, я не вникал.
- Не вникал он! А про то, что Сучка в человеческом жертвоприношении обвиняют, слышал? Так вот: Михайла придумал, как это обвинение отвести. Поп отступился, Юлька сама все видела и слышала.
- Кхе! Слышал, Осьмуха? А ты говоришь: обычный парень.
- Я говорил: испытать надо, а не обычный...
- Замолкните оба, треплетесь, как бабы у колодца. Кто следующий был?
- Юлька твоя, потом поп притащился, потом Алена его уволокла, ты же сама все видела.
- Не все. Если бы я весь разговор слышала, Юльке бы косу оборвала, а попа удавила бы!
- Кхе!
- Да перестань ты кхекать, Корней! Ключницу обрюхатил, девок лапашь, а как что, так сразу старик древний! Передо мной-то хоть не выделяйся!

- Ох и язва ты, Настена. Так чего там с попом-то?

- Моя дуреха Михайле во всех подробностях про то, что на сходе случилось, рассказала. И про проклятие, и про клятву Пелагеи.

- И он после этого их пожалел? Осьмуха, ты слышал? Они его прокляли, убить поклялись, а он... Вот! Говорил я, чтобы не таскался к попу!

- Про попа и речь. Он Михайлу в пролитии невинной крови обвинил. Мол, передумали злодеи, домой пошли, а он их, невинных овечек, жизни лишил.

- Да ты что, Настена? Так и сказал?

- Да! И в смерти Марфы и Григория тоже Михайлу овиноватил!

- Ну змей долгополый! Да я его...

- Не трудись. Ему жить осталось до октября, самое большее до ноября. Весь сгнил изнутри. Да и не о нем речь. Михайлу-то как раз тогда в первый раз и скрутило. Юлька только и разобрала, что для него несправедливое обвинение вроде бы не в новинку стало. Испугался он чего-то такого... Ни я, ни Юлька не поняли, но для него это страшно оказалось. Так страшно, что мог бы и ума лишиться.

- погоди, Настена, какое несправедливое обвинение? Кто его когда-то обвинял?

- Не знаю. Но страшнее этого для него ничего нет. Даже не знаю, что и думать. Крови он не боится, людей положил, наверно, не меньше десятка, и вдруг такое...

- Кхе... Ой!

- Да ладно тебе, Корней, чего вспомнил-то?

- Был у Михайлы один случай... Может, и не то, но больше ничего не припомню. Раненого он добил на дороге в Кунье городище. За пса своего посчитался.

Терзал страшно, по-звериному. До того случая его только мальчишки Бешеным дразнили, а после того и среди ратников разговоры о Бешеном Лисе пошли. Может, оно? Как думаешь?

- Может, и оно. Попрекал его этим кто-нибудь?

- Не слыхал. Разве что поп мог.

- Тогда все сходится: за тот случай поп, и за этот случай тоже... Могло и скрутить. Вот ведь гнусь Христова, а Михайла его любит, но оттого и попрек уязвляет сильнее.

- Так зачем же ты его отхаживала сегодня? Пускай бы и загнулся.

- Да не его я отхаживала, а Мишку. Внук-то у тебя упертый – наговорам не поддается. Вот и пришлось дурочку строить: вроде бы на попа наговор кладу, а на самом деле на него. Подействовало – уснул.

- Искусница ты, Настена...

- Да погоди ты, Корней. Самого главного-то я еще не сказала. Поняла я, что с Михайлой, только вот чем помочь, не знаю.

- А ну-ка объясняй. Может, вместе чего надумаем?

- Помнишь, Корней, как у Ласки детей молнией убило?

- Помню, как не помнить... Жалко бабу было.

- А болезнь ее помнишь?

- Ума лишилась. Понаделала кукол и нянчилась с ними, как с детишками: кормила, поила, спать укладывала, песни пела, обновки шила... муж ее мне плакался, что сам потихоньку с ума сходить начинает, на нее глядя...

- Погоди про мужа, Корней. Ты понял, почему она так делала?

- С ума сошла, почему же еще?

- Нет, Корней, она не хотела соглашаться с тем, что дети ее умерли. Не перенести ей было этой мысли, вот она и придумала себе, что куклы - это ее живые дети. Как бы спряталась от настоящей жизни в выдуманную. Раз есть кого кормить и обихаживать, значит, не было никакой молнии, никого она не убивала... Понимаешь?

- Угу... Когда муж ее кукол в печке пожег, она пошла детей в лес искать, так и сгинула.

- Правильно. Нельзя человека из выдуманного мира силком вытаскивать - добром не кончится.

- А Михайла тут при чем?

- Вспомни-ка, как отец Луки Говоруна умирал.

- Так он сам все решил! Он мне тогда так и сказал: два сына в бою полегли, достойно - с оружием в руках. Третий сын в десятники вышел. Дочек замуж выдал, жену схоронил, долгов нет, хозяйство в порядке - жизнь прожита, помирать пора. Лег и через два дня помер. Чего мы ни делали... Даже на слова не отзывался.

- Все верно, Корнеюшка. Вот и Михайла твой не отзывается.

- Да он же не старик еще, жить и жить!

- Да! Только жизнь ему не вмоготу стала: охотятся на него - убить хотят, несправедно пролитой кровью попрекают, проклинают прилюдно. А дел ты сколько на него навалил? И ребят учи, и крепость строй, и с приказчиком о торговле думай. Он справлялся. Как умел, но справлялся, даже Сучка окоротил, даже один от пятерых отбил. Но предел-то всему есть! Ему же только четырнадцать! Посмотри на его сверстников: с девками по кустам пошастать, втихую от родителей пивка попить, воинскому делу потихоньку учиться - это по возрасту. Самое же главное - только за себя отвечать, да и то не очень. Случись что, родители помогут. А ты, старый дурак, что с внуком наделал? Как лошадь

загнал! За полсотни ребят – отвечай, за строительство крепости – отвечай, за все прочее... Он у тебя когда последний раз отдыхал? Только когда раненый валялся? Девка у него хотя бы есть? Чего молчишь?

– Кхе... Засматриваются на него, я слышал. И не одна, только он как-то так – без интересу.

– В четырнадцать лет – и без интересу? Корней, ты себя-то вспомни!

– У него невеста нареченная есть, только он об этом пока не знает.

– Знает! Ему Анюта рассказала.

– Тьфу! Языки ваши, бабы...

– Ага, бабы у вас во всем виноватые. Ты лучше подумай, какую ты ему еще заботу навесил, кроме прочих!

– Ну уж и заботу!

– Заботу! Представь, что Агей, покойник, тебя насильно женить бы захотел. Представил? Ну и как?

– Кхе!

– Вот-вот! А тут все в один день: Юлька ему показала, как ухо обрезано, глаз левый сам открыть не смог, попреков и угроз наслушался, забот навалилось, и – на тебе: Осьма на него ответ за жизни баб и ребятишек навесил! Да кто ж такое выдержит? Вот он и спрятался от этой жизни – ничего не видит, ничего не слышит, лежит пластом. Нету его! Нету, значит, ни о чем думать не надо, ни о чем не беспокоиться, ни за что ответ не держать.

– Кхе... Так это... Настена, чего ж делать-то теперь?

– Не знаю! И других лекарок спрашивать бесполезно – тоже не знают! И Ниня не знает! Такие случаи редко, но бывали. Ничего не действует, даже каленым железом прижигать пробовали – не чувствуют такие больные ничего! Для

Михайлы сейчас это все в другом мире происходит – там, где его нет, а значит, не с ним.

– Кхе... И что, никакого средства?

– Только ждать. Может быть, сам отойдет и вернется, но... не знаю. Ему сейчас там лучше, чем здесь, зачем возвращаться?

– Он хоть слышит что-нибудь?

– Слышит... может быть. Ты слышишь, как куры за окном квохчут? Сильно это тебя касается?

– Гм, Настена... Я правильно понял, что нужно что-то, что Михайлу заденет, заставит к этому миру обернуться? – спросил приказчик.

– Правильно, Осьма, видать, не зря тебя разумником считают.

– А что это может быть?

– Ох, ну назови кого разумным, он тут же дурнем и выставится! Говорю же: не знаю!

– Не сердись, Настена, если чего не знаешь, то подумать нужно. Корней Агеич, через твои руки молодых ребят много прошло, бывают такие случаи, что они вроде как не в себе делаются?

– Кхе... Бывает. Новики после первого боя, почитай, все дуреют. Одних трясет, другие болтливые как сороки делаются, третьи как бы замирают – сидит такой пень пнем и куда-то смотрит. Рукой перед ним помашешь, а он не видит. Особенно если ранен или напугался сильно.

– Настена, похоже это на то, что с Михайлой сделалось?

– Как сказать... не совсем, но похоже.

- Корней Агеич, а что вы с такими делаете, как в разум приводите?
- Можно оплеухой. А еще лучше хмельного налить, чтобы до изумления надрался, утречком опохмелится - и порядок. Ну и еще... всякое...
- Корней! Чего ты жмешься, как девка? Баб вы им пьяным подкладываете, скажешь, не так?
- Так... Если найдутся, конечно, не всегда же полон бывает... А вообще - это первое дело от всех хворей, что телесных, что духовных. Бывает, так от крови и железа осатанеешь - себя не помнишь, а тут винца или медку хлебнул, одну-другую бабу прихватил - и как рукой сняло... Э? Настена, так ты что, хочешь Михайлу этим делом полечить?
- Четырнадцать лет, плотских утех еще не отведал... Можно попробовать.
- Кхе! Так ты что же, сама, что ли...
- Корней!!! Я тебе точно сегодня чего-нибудь отобью!
- Так для лечения же...
- Кобель облезлый! Я тебе такое лечение сейчас...
- Корней Агеич! Настена! Перестаньте! Ну что вы, как дети малые, ей-богу! О деле бы подумали, чем лаяться!
- С ним подумаешь! Только об одном - средстве от всех болезней...
- А сама-то небось и рада...
- Прекратить!!!
- Осьмуха, да ты рехнулся!
- Это ты рехнулся! Внук почти бездыханный лежит, а ты с бабой... Опомнитесь!

– Кхе... Настена, о чем это мы с тобой... Что ты там говорила?

– О чем, о чем... Все о том же! Средство измыслили, спасибо Осьме – догадался тебя о новиках расспросить, теперь надо думать, как лечить будем.

– Корней Агеич, я тут человек новый, есть в Ратном женщины, которые... гм... болтают-то всякое, а как на самом деле?

– Про которых болтают – это для удовольствия, а то, что нам требуется, – ремесло. Ближе чем в Турове не найдешь. Настена, Михайла так долго лежать может?

– А ты что, в Туров его везти собрался? Не выйдет. Он же не ест, не пьет, потихоньку слабеет. Какое-то время пройдет, и дышать перестанет.

– Какой Туров? Я о другом говорю. Ты, Настена, только не ругайся сразу... не будешь?

– Говори уж.

– Я вот подумал: может, ты кого из баб научить сможешь? Я ей заплачу, и в тайности все сохраним. Только быстро нужно, парень-то, ты сама сказала, слабеет будет.

– Ох, Корней, до седых волос дожил, а ума как у младенца. Научить... Ты взялся бы, к примеру, Осьму на дудке играть научить?

– На какой дудке? Я и сам не умею...

– То-то и оно! Я лекарка, а не... сам понимаешь. Чему я в этом деле научить могу?

– Кхе... Да кто ж вас, баб, поймет? Может, ты по лекарскому делу об этом чего-нибудь знаешь?

– Так и ты про дудку знаешь: суй в рот да дуй посильнее, вот и вся наука. Ладно, не мучайся, знаю я, кто нашему горю помочь сможет.

– Кто?

– А вот это, Корнеюшка, не твоего ума дело. Собирай Михайлу да вези ко мне в дом. А там уж моя забота: кого позвать да как все устроить. Юльку к тебе ночевать пришлю, рано ей еще таким вещам учиться, да и за Роськой приглядеть надо. Давай-ка снаряжай телегу, а я пока с Анютой переговорю. А ты, Осьма... Я думаю, ты и сам все понял, Осмомысл, не зря ж тебя так прозвали?

* * *

Мишка очнулся от ощущения приближающегося оргазма. Финал был мощным, как в молодости, сидящая на нем в позе «Маленькая Вера» женщина тихонько застонала. В комнате было темно, но белеющий силуэт женского тела достаточно ясно давал понять, что партнерша была отнюдь не модельных статей, да и не первой молодости.

«Где ж я ее снял? Можно подумать, что на вокзале. Тогда куда я ездил? Ни хрена не помню, надо ж было так нажраться! С каких это пор, сэр, вы прошмандовок на вокзалах снимать начали? М-да, докатились...»

Мишка протянул руку, чтобы включить свет, но не нащупал не только лампы, но даже и тумбочки, на которой ей полагалось быть.

«Так, еще и не дома. И куда же вас, сэр, занесло, позвольте поинтересоваться? Запах какой-то... вроде бы сеном пахнет. За город уехал? Нет, это уже ни в какие ворота – усвистать из Питера на дачу к этой корове... Как ее зовут-то хоть?»

Мишка еще пошарил вокруг себя, не обнаружил ни одежды, ни сигарет и спросил:

– У тебя закурить нет?

Женщина тихонько хихикнула, соскочила с постели и скрылась в темноте. Мишка поднялся следом, его повело в сторону и затошнило, пришлось сесть на постель и опереться спиной о стену.

«Понятно: водка паленая, завтра печень отваливаться будет».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

От древнеславянского «неключимый» – бесполезный.

2

Срезень – наконечник стрелы с широким режущим лезвием, обращенным вперед.

3

Пуд, как единица веса, впервые упоминается в грамоте князя Всеволода Мстиславича в 1134 г.; пуд заключал в себе 16 безменов, 40 больших гривенок или 80 малых.

4

От древнеславянского мудити – медлить.

Купить: https://tellnovel.com/ru/krasnickiy_evgeniy/otrok-blizhniy-krug

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)